

ЮРИЙ ТАМРАЗОВ

Сету атум

Юрий Тамразов

Сету атум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068763

ISBN 9785447434885

Аннотация

Эта книга для тех, кто способен прийти в восторг от черных глубин вселенной. Эта книга для тех, кому не хватает воздуха в тесноте современного мира. Для тех, кто способен забыть себя ради любви к истине, или человеку. Эта книга о сету атум, тех, кто рожден не здесь, а значит, никогда здесь не умрет.

Содержание

Глава I. Те Кто Ведет	7
Часть 1. 20 февраля 2005 года	7
Часть 2. Метаморфозы	41
Часть 3. Миллион лет и немного лжи	115
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Сету атум

Юрий Тамразов

© Юрий Тамразов, 2015

© Валерия Гордеева, иллюстрации, 2015

Редактор Алена Ферлер

Редактор Наталья Чернышева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права на произведение принадлежат

Марине Тамразовой

*Имет кен джет, Ирэт!*¹

Я очень сильно скучаю по тебе вседневно и переживаю за настоящее положение твоих дел. Ты молчишь, тебя нет в зеркалах, нет в мире людей. Ты молчишь, и от этого я волнуюсь еще сильнее.

Но, спасибо тебе за то, что продолжаешь заботиться обо мне. Ума не приложу, как ты это делаешь? Ты, должно быть, удивлен этим моим словам? Вот-вот, вижу, как улыбаются твои губы. Если я угадала, то не удивляйся – я сразу поняла, по чьей просьбе ко мне пришел Джйортир. Мы проводим долгие вечера за беседами, он вводит меня в курс де-

¹ «Вечность открыта для тебя», – традиционное приветствие. Язык нейчери.

ла, рассказывает об изменениях в мире, произошедших за то время, пока я спала. С интересом его слушаю, хотя уже успела понять, что наши создания не изменились за прошедшие миллионы лет. И это успокаивает, вселяет надежду, что ты найдешь выход из ситуации, как находил уже много раз.

Сатэ приняла меня. Не знаю, благодаря тебе, или так должно было быть, но мы поладили, отлично дополняем друг друга. Мой опыт, опыт нейчери, и ее земной опыт – очень хорошо ладим.

Мой дорогой брат!

Джэйортир показал мне все, я прошла через воспоминания... Было больно видеть и осознавать события твоей жизни под таким углом. Видеть ошибки. Минуй мы их, и, возможно, история пошла бы другой дорогой.

Впрочем, хватит слез. Видишь, я улыбаюсь. Помню, как строго ты относился к эмоциям. Мне подсказали, как можно тебе помочь. Я передаю тебе эту рукопись, здесь основа, то, что поможет вспомнить. С помощью Джэйортира я восстановила все, что видел твой человек в этой короткой земной жизни. Все, что чувствовал ты. Надеюсь, хоть так я смогу отблагодарить тебя, ответить взаимностью. Вспоминай, вспоминай, мой брат!

Пусть будет так. В противном случае, без твоей силы, без твоего опыта нам не выстоять. Энлиль уже выступил, я чувствую это. Чувствует и твой старинный друг... наш

старинный друг, наш сын.

Все, прекращаю писать, не то расплачусь. А ты этого не переносишь.

Дорогу идущему!

Твоя Э. 14 сентября 2014 года

Глава I. Те Кто Ведет

Часть 1. 20 февраля 2005 года

Это было на самом исходе зимы, в феврале. Холод уже отступал под натиском набирающего силу солнца, а городские улицы заполонила отвратительная смесь из тающего снега и соли. И конечно морозящий дождик, гонимый порывами ветра, хлещущий прохожих по лицам, ручейками стекающий по волосам, забирающийся под еще зимнюю одежду.

Стою на перекрестке. Наблюдаю за проходящими людьми, ежащимися от промозглой сырости. Слева, справа, прямо передо мной рычит автомобильный поток. Я превратился в слух. Я – этот кусок реальности. Так надо, чтобы найти брешь в системе и достучаться до тех, кто способен одарить силой. Во всяком случае, так хочется думать. В моем мире частенько приходится идти на ощупь.

Все то, что происходит перед моими глазами, весь этот кашающий разрозненными событиями мирок – все это на самом деле подчиняется строгой системе. Все упорядочено. Люди шагают так, как должны шагать. Даже если кто-то спотыкается, или на секунду останавливается, поправляя сползающую на глаза шляпу, система не нарушается. Машины едут так, как должны ехать, не выбиваясь из должного порядка. Даже редкие синицы, сидящие на голых березовых ветках, совершают нужные движения в нужный момент времени.

Видимого хаоса не существует. Я это знаю. Есть закон, стержень, на который нанизываются разрозненные события, судьбы, люди, животные, природа – все в этом мире. Я хочу

его найти, прочувствовать, а затем попросить. Или потребовать по праву рождения. Как высокопарно звучит². Впрочем, Он сам показал мне это место. Сам повел меня. Каждый раз, когда я погружаюсь в зеркала, Он напоминает мне, показывает куда идти и что делать. Все, что умею – все дал Он. Все, кроме точного знания, что Он есть. Каждый раз я попадаю в один и тот же макет. Люди бы сказали иначе, мне часто снится один и тот же сон.

Слух обостряется. В первые минуты охоты слышал всего пару-тройку звуков: гул моторов, людскую речь, музыку, доносящуюся из ближайшего супермаркета, – все. Теперь их сотни вливаются в уши. Слегка морщусь от протяжного скрипа тормозов – УАЗ. Хлопают крылья голубиной стаи. Лает собака. Грубые мужские голоса. Звякает стеклянным доньшком бутылка. Поет женский голос... песня на английском... нет... американском варианте английского. Разъезжается грязный снег под зимними ботинками, шпильками, сапогами. Кожа, несмотря на плотную зимнюю одежду, реагирует на порывы ветра. Чувствую его направление, температуру, силу и скорость движения... Стук... Что за стук? Сильный. Стоп. Это заходит в ритме сердце. Медленно открываю глаза. Улицы города залил резкий фонарный свет, распахнули свои дурманящие объятия ночные клубы. Вздрагиваю, притоптываю затекшими ногами, растираю ладони. Продолжать охоту дальше бессмысленно. Тело болит, еще

² Мои примечания. Примечание первое.

не оправился от вчерашней вылазки по ту сторону реальности.

Чашка ароматного черного кофе на старом столе приводит в чувство, согревает руки. В моей комнате властвует полумрак и прохлада. Впрочем, горячий кофе вполне справляется с холодом. Минимум обстановки высекает из тьмы работающий монитор. По горячим следам вбиваю в текстовый документ процесс и результаты своей неудавшейся охоты, не упускаю из вида даже самые мелкие подробности. В моем деле нет мелочей, один неверный шаг – и ты проиграл. Размер проигрыша зависит от предмета охоты, в моем случае на кону может стоять все, что угодно, жизнь в том числе. Я хочу поймать Бога за бороду. Или богов? Часы в углу экрана намекают на сон, близится ночь. Сохранив документ, щелкаю по иконке браузера. Настроение, несмотря на дневную неудачу, приподнятое. Загружаю несколько страничек новостных сайтов, два форума и один сайт, посвященный магическим техникам. Принимаюсь читать.

Сету адум – это не хобби и не разовое увлечение. Мы подчиняем жизнь охоте за выбранной однажды целью. Охота – это образ жизни и смерти. Таков первый шаг на дороге длинной в смерть.

Дневное напряжение напомнило о себе – пальцы вяло

скользят по клавишам, в голове звенит тишина. Регистрируюсь напоследок на одном из сайтов знакомств, щелкаю по кнопке «power». Экран – единственный источник света – потух: поскрипывающий под тяжестью моего тела стул, стол в трещинах на лакированной поверхности, голые бетонные стены, обтянутое черной тканью кресло – все это погружается во мрак. Скидываю на кресло одежду, ложусь в кровать. Ежусь от холода простыни, закрываю глаза. Медленно. Темно.

Мне нужна сила. Веди меня от тьмы к свету. Веди меня от смерти к бессмертию. Покажи: как мне служить Тебе?

Я знаю, где окажусь. В который уже раз? Сотый, или, может быть, тысячный? Вновь перекресток. Не понимаю: что Ты хочешь мне сказать? Зачем направляешь туда? Впрочем...
...

Пространство сна угнетает разрухой и предчувствием беды. Кажется, из нее соткан местный воздух. Это пугает. Пугает и то, что впервые за долгие месяцы Он не привел меня к привычному, изученному вдоль и поперек, куску реальности.

Городской пейзаж, ночь. Серые многоэтажные дома в огне, то тут то там, не выдержав жара, оконные проемы орошают улицу осколками стекла. Звон.

Над плоскими крышами домов, ощерившимися в небо иглами антенн, висит огромная луна. Волчье солнышко, как называют ее охотники, наводит тоску. Осматриваюсь, не смотря на всполохи огня, тело колотит от холода. Может так реагирует тело на холодную кровать? Бред. Матерюсь, вместе с матом в пространство вырываются клубы пара.

Этот мир не принимает меня. Воздух сгущается, превращается в липкое тягучее нечто, впечатывает в себя.

Мне говорили, в последнее время погружаться в миры зеркал становится небезопасно. Интересно, как там Саня? Уже вышел из комы, или все еще бродит по своему воображению? Отчаялся ли? Странные мысли.

Черт! Вишу на невидимых нитях, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Берет тоска, здешняя, ирреальная, а оттого особо острая. Перед глазами пляшут искры костра. Откуда взялся костер и насколько он близок ко мне – понять невозможно. Бьюсь в незримой паутине, силюсь освободить тело, но каждое движение лишь крепче стягивает путы. Зеркало подавляет волю, вытесняет из памяти мой реальный мир. Кто я? Зачем я? Откуда я? На эти вопросы нет ответа. Сознание угасает. Еще чуть-чуть...

Ты угасаешь Ярослав. Ты слаб, но это ничего. Понадобится время, чтобы я взял тебя. Я готов подождать. Если ждет она, если прощает она, то я готов. Подожди сдаваться и ты. Встань, человек!

В мире происходят неуловимые изменения. Хватка про-

странства чуть слабнет, гортань приходит в движение – я могу дышать, значит, могу говорить, значит, сила слова не покинула меня.

Опять. Опять это ощущение, словно кто-то помогает мне. Чувствую присутствие... Не человека, не конкретной личности. В зеркало вошла сила. Мягкое, обволакивающее, дающее утешение и надежду, женское начало незримо заполнило агонизирующее пространство. Другое ощущение. Кто ты, незнакомка? Почему защищаешь?

Стягивающие мое тело путы истончаются, моя плоть прорывает сеть. Ноги дрожат. Не удержавшись, падаю на потрескавшееся полотно асфальта, ладони обжег жар раскаленной поверхности. Здешний воздух высасывает силы, капля за каплей, медленно... Впрочем, этого вполне достаточно, чтобы остаться в этом осколке до тех пор, пока впавшее в кому тело там, в мире людей, не умрет от старости. Привет, Санек!

Сознание проясняется, возвращается уверенность, так необходимая охотнику, но на сложные манипуляции сил все равно не хватает. Собравшись с духом, начинаю читать молитву. Странно, но сложные формулы древнего языка братства не спасают. Напротив, всякий раз, оказавшись на краю жизни, надежду дают простые слова.

С каждым слогом я возвышаю голос, выкрикиваю знакомые Ярославу с детства слова. Туда, сквозь потоку ирреальности. Туда, вверх. Туда, где меня еще могут услышать.

Ты придешь мне на помощь. Ты всегда приходишь. Прощаешь мою глупость, стоившую тебе жизни. Мою гордыню, стоившую тебе себя.

Тьма сгущается, гаснут искры пламени, тревожившие своей опасной близостью лицо Ярослава. Мощный рев крушит барабанные перепонки моего протеже. Я знаю эти звуки, сливающиеся сейчас в грозную мелодию. Я знаю, что идет тот, кто никогда не простит меня, чей облик всегда будет пробуждать во мне слепую ярость. Знаю я, но не знает мой человек. Я силен в нем, но мой зов не способен перекрыть инстинкт. Волна ужаса поглощает Ярослава. Бедный, слабый, надеющийся на скорую смерть человек.

Кричу, что есть сил. Я не знаю, кто идет. Однако тяжесть на сердце говорит о моей незавидной участи, стоит только дожидаться его появления. Только бы успеть!

Как ни странно, но страх подстегивает память. Вспоминаю, кто я и где нахожусь. Вспоминаю, что окружающее меня пространство – всего лишь сон. Что мое тело лежит на кровати и мирно спит. Что у меня есть работа и цель! От нахлынувших мыслей болит голова, тело сотрясается в судорогах. Я начинаю распадаться. Страшно? Нет. Дальнейшее развитие событий знакомо. Скрип. Мирок покрывается сетью белесых трещин. Словно треснуло зеркало. Скрип переходит в треск, углубляются белые раны. Да, такие картины побудили сету адум назвать реальности, расположенные по ту сторону сна, зеркалами. Грохот! В попытке защититься прикры-

ваю голову мерцающими руками. Острые как бритва осколки пролетают сквозь мое тело.

Занавес рухнул, обнажив присутствие сотворившего зеркало. На меня смотрят странные черно-фиолетовые глаза. Тонкие бескровные губы на бледном лице кривятся в ухмылке: «Я сделаю выбор. За тебя».

Ты пришла, ты успела. Его мир рушится, спасибо, любимая. Я смотрю на Ярослава сквозь падающий занавес осколков. Я говорю с ним уже в который раз. И вновь сила первого из Ка искажает меня. Как жаль, что я просто не могу заполнить тебя, человек. Как жаль, что сотворивший нас даровал тебе свободу воли. Как жаль, что ее терзают из-за моей слабости. Уходи, Ярослав, и возвращайся вновь. Я веду тебя.

Огни ночного мира поблекли в голове, оставив лишь полсловкусие, – странный коктейль из тоски и любопытства. За долгие месяцы я проскользнул в другой мир. Так необычно. Проскользнул, или провел? Провела?

Поворачиваю исцарапанный ключ в замочной скважине, для надежности придавливаю стальную дверь.

В подъезде по обыкновению не горит лампа, несколько метров до подъездной двери погружены в непроглядную тьму. Не страшно. Я вырос в этом доме, знаю каждый заку-

ток. Знаю подъезд, знаю двор, знаю район и весь суровый рабочий квартал. Как там? «В рабочем квартале зубы из стали, рабочие руки сильны...». Бытие определяет сознание, и наоборот.

На улице по-прежнему царствует ветер, гоняет ошметки облаков по низкому серому небу. Лицо обдает порывом холодного ветра, зажмуриваю глаза от слепящего дневного света. Прохожие спасаются от секущих линий дождя под зонтами. Я, здрав воротник короткой кожанки, шлепаю по февральской слякоти, заворачиваю за угол обшарпанного девятиэтажного дома.

Сон высосал все соки, сил на анализ уже не остается. Просто иду, что называется «куда глаза глядят». Всматриваюсь в хмурые лица идущих навстречу людей. Уже привычно состояние. Может так взрослеют охотники? Детство кончилось, поиграли и будет? Что делать теперь? Куда идти? Что показали мне в зеркале?

Без единой мысли в голове, спустя час дошагал до центра города. Людей, в особенности молодых ребят и девушек, на улицах становится заметно больше. ВУЗы облюбовали самую динамичную часть города. Некоторые прохожие, издали завидев мою закованную в черное фигуру, скидывают в приветствии руку. Кто-то перекрикивает гонимую ветром какофонию звуков, льющихся из всевозможных магазинов, пытается рассказать важные университетские новости. Просто иду.

Суббота, можно расслабиться и отбросить обычные хлопоты рабочего дня³.

Голова отдает болью при каждом шаге, созерцательный настрой медленно улетучивается. Обрушившаяся реальность заставляет оглядеться. С удивлением обнаруживаю место моего нахождения. Золоченые купола древней церкви возвышаются надо мной. С учетом погоды и событий прошлой ночи картина, открывающаяся глазам, более чем символична. Золото куполов на фоне налитого тяжестью серого неба. Троекратно перекрестившись, шагаю за массивные двери в приятный глазу полумрак⁴.

В храме тихо. Вновь, перекрестившись, подхожу к служительнице, беру одну свечку. Можно, конечно, обойтись и без этого ритуала, но в чужой монастырь... Медленно обхожу пространство храма, под ботинками скрипят доски настила. Нашел, выбор сделан. Позолоченный подсвечник возле образа пустует, даже остатков оплавленных свечей нет на нем. Видимо святой не очень известен у прихожан. Иконописец поразительно четко отразил напряженное, яростное изучение Творца и его творений, застывшее в глазах святого. Я не знаю его имени, его лик не светится вселенской любовью, но эта ярость в глубине изумрудных очей вызывает почтение. Чувствуется сила. Возношу короткую молитву к Творцу. Пылает свеча. И пусть изображенный на иконе донесет

³ Мои примечания. Примечание второе.

⁴ Мои примечания. Примечание третье.

мой зов: «Святой Боже, вразуми меня. Дай силы не противиться воле твоей. Дай мудрости в сердце». Все, на выход.

Стоило только выйти на улицу, как тишина разлетелась в клочья.

В кармане куртки дергается телефон. Будь я по-прежнему опустошен, звонящий не добился бы своего. Однако за короткое время пребывания в стенах храма самочувствие мое порядком улучшилось, звенящая головная боль отступила, тело налилось силой. Может, услышал?

Возбужденный женский стрекот бьет по слуху. Из сумбурной речи понимаю, что отдохнуть сегодня не удастся, зато в кармане, возможно, на три-четыре хрустящих купюры станет больше. Очередной клиент с полтергейстом в голове⁵.

Страдающая от чертей женщина живет не так далеко, через квартал от храма. Хмыкаю, прекрасная возможность сэкономить деньги на такси и собраться с мыслями. Мешу ботинками толчею из снега и грязи, в мыслях возвращаюсь в зеркало.

Попытки возродить в воображении осколок зеркала ни к чему не приводят, память девственно чиста. Из всего увиденного остались лишь непонятная тоска да мазохистское желание продолжить поиски несмотря ни на что.

У меня, как у всех охотников, есть дурная привычка – задумавшись, обращать взгляд в глаза собеседнику, или прохожему, или стоящему рядом. Смотреть до тех пор, пока по-

⁵ Мои примечания. Примечание четвертое.

следний не отведет глаза. И сейчас, шагая по улице, автоматически всматриваюсь в серые, карие, голубые, зеленые глаза. Естественно, вызываю скрытую агрессию. Идущий навстречу молодой человек в черной куртке, черных джинсах, черных же ботинках, мрачно всматривающийся в ваши глаза – не самое приятное впечатление. Ну, а уж с учетом своеобразной походки, больше пригодной для плаца, чем для городских улиц... Бытие определяет сознание. Жизнь на окраине рабочего квартала среди суровых и молчаливых людей. Единственный сын в семье советских милиционеров. Внук запорожского казака и сурового ассирийца – кавалериста Красной армии. Охотник.

Цифра, намалеванная блеклой красной краской на углу пятиэтажного дома, выдергивает меня в реальный мир. Пришел.

В подъезде царит полумрак и въевшийся в стены застарелый запах мочи. Зажав нос, поднимаюсь по исшарканным бетонным ступеням. Блеклые стены украшают многочисленные надписи. Среди стандартного набора подростковой фантазии, упиравшегося в сексуальные предпочтения неизвестного Васи, или половой разнузданности Ани, встречаются и более интересные образцы. К примеру – рунная вязь. Оккультизм набирает популярность и среди молодежи. Во всяком случае, вместо слова из трех букв на стенах все чаще и чаще изображают пентаграммы. Хорошо это или плохо – покажет будущее, пока что есть повод задуматься служите-

лям церкви.

Вдавливаю красную кнопку звонка, за дверью раздается режущая ухо трель. Слегка улыбаюсь стоящей в дверном проеме женщине. Страдалица оказалась именно такой, какой рисовало ее мое воображение: уставшие глаза на одутловатом лице, чуть полная фигура, крашенные волосы, собранные в пучок на затылке. Жестом дряблой руки хозяйка приглашает меня войти. После обмена приветствиями и пары дежурных фраз Валентина Николаевна посвятила меня в суть проблемы. Первые пять минут беседы за кухонным столом разрушают мои надежды на легкие деньги. Чертей в квартире нет. Равно как и взбесившейся домашней утвари, сексуально озабоченных демонов, зеленых человечков, предлагающих сгонять на Алголь за пивом, – всего того, что обнаруживает в человеке неумную фантазию и бесконечное одиночество, но не имеет никакого отношения к потустороннему миру. Хозяйке страшно, просто страшно, и страх этот наполнял ее сознание ровно в три часа ночи. А это уже немного серьезнее воображаемых хвостатых проказников. Три часа ночи – пик активности существ, населяющих зазеркалье, самых скверных их представителей. Время, когда они, поднатужившись, могут воздействовать на предметы нашего мира, на чувства и эмоции людей. В квартире поселилась какая-то тварь, питающаяся страхом. В слух я этого, конечно, не произношу, незачем пугать и так не находившую себе места женщину, но от чашки чая отказываюсь – нужно дей-

ствовать.

В «большой» комнате прохладно. По краям желтого ворсистого ковра стоит нехитрая мебель. Взгляд падает на старенький телевизор «Sony» напротив неаккуратно занавешенного окна. Каждый сантиметр квартиры дышит запустением. Встав посредине комнаты, раскидываю руки на манер креста, закрываю глаза. Здесь меня больше нет. Теперь смотрю другими глазами на другой мир.

Поначалу сканирование пространства ни к чему не приводит, лишь холодок, гулявший по ладоням, говорит о присутствии предполагаемой твари. Наконец, на восьмой минуте он, или оно, соизволил показаться. Напротив меня возвышается широкоплечий мужчина в серых ниспадающих на ковер одеждах. На гладко выбритом лице сияет добродушная улыбка. Впрочем, в радушности существа заставляет усомниться холодный блеск черных глаз.

Я знаю о способностях большинства жителей зазеркалья, знаю и об их великолепном умении наводить морок на человека. Отдаю себе команду «вольно», произношу формулу, не отличающуюся гениальностью, зато вполне работоспособную: «Я, рожденный в Нуле, я, ведомый Атумом, я, проявленный в Ра. Открой мне свое лицо». Стоило только договорить последний слог, как существо вздрагивает, шипя нечто нечленораздельное, пятится. Теперь с покрытого черной шерстью лица на меня смотрят два маленьких, налитых кровью глаза. Исчезла элегантная мантия, скрюченное тель-

це гостя едва достает мне до пояса.

Спокойно рассматриваю уродца. Оно не слишком отличается от человека, разве что шерстью, да узловатыми, покрытыми ороговевшей кожей, конечностями. Таких еще не видел. Выдержав паузу, черчу в воздухе знак, смысл которого можно обозначить фразой: «убирайся по-хорошему». Существо издает угрожающий рык, медленно приближается ко мне. Пространство наливается мрачной тяжестью, сдавливает виски. Дух шипит от натуги, буравит меня взглядом. Кривлю рот в ехидной улыбке. Таким не испугать. Шагнув на встречу, хватаю кучерявого за шею, не спеша приподнимаю над полом. «Демон, ты знаешь, как меня зовут? Слушай!» – неистовый визг раздирает пространство комнаты⁶.

Выждав многозначительную паузу, вновь повторяю требование. Холод, липкой лапой скользивший по телу, исчезает. Исчезает, растворившись в воздухе, и существо. Я возвращаюсь в тело, все это время мирно стоящее посреди комнаты. Приятно ощущать свою власть, хоть и не хорошо.

По квартире, причудливо переплетаясь, витает запах свежесваренного кофе и тоскливый голос Виктора Цоя. И вновь перед экраном монитора грею руки о кофейную чашку. День сурка. Нет, жизнь сурка.

⁶ Мои примечания. Примечание пятое.

Очень давно, в детстве, я сделал открытие, изменившее всю мою последующую жизнь. Сейчас вспоминаю... Чудно! Как хватило ума не рассказать о своем выводе сверстникам? Почему поделился с родителями?

Меленький человек вдруг понял, что за ним наблюдает кто-то куда более могущественный, чем учителя, или директор школы. Да, что там! Даже мама и папа не смогли бы с ним тягаться. Я понял, что Он не только наблюдает, но и ведет. А значит, можно не бояться ничего. Ведь он всегда рядом. Значит достаточно просто следовать.

Как хорошо было в детстве, достаточно было принять мысль и с ней жить. Потом стало сложнее. Стали появляться неудобные риторические вопросы. Кто Он, тот, кто ведет меня? Что ему нужно? Что нужно мне? Кто я? Чем старше я становился, тем больше возникало сложностей. Редкие и осторожные беседы со сверстниками показали, что мое детское открытие – мое открытие и ничье больше из окружения. Подросток почувствовал избранность. А это уже опасно, вместе с избранностью пришел грех гордыни. Тот, кто вел, не давал ответов, но постоянно дразнил своим присутствием. Поначалу это ужасно злило. Затем, лет в 17, пришел страх. Мысль о прогрессирующей шизофрении не давала покоя. Я решил отказаться от своего открытия, забыть. И это почти получилось. Быть может, с полгода удалось пожить нормальной жизнью. Расслабиться.

Мне показали, что «нормальная жизнь» – это непозволи-

тельная роскошь для тех, кто есть Сету атум. В 18 лет я впервые уснул и не забылся. Говорят, что осознанные сновидения – серьезная практика, что умение жить во снах приходит постепенно. Это не работает для тех, кто в глубоком детстве делает открытия. Нас погружают сразу.

И вновь пришел страх, страх уснуть и не проснуться. Уже больно своеобразные были сюжеты моих снов. Опасные своими пейзажами или своими обитателями. Охотник должен уметь выживать.

Мысль о психическом отклонении засела в сознании словно заноза. И стало страшно жить. И, уже отчаявшись, я вспомнил реакцию своих родителей на мое маленькое детское открытие. Так бывает, что, погрузившись в водоворот событий, ты забываешь о самом простом и очевидном выходе.

Я вспомнил улыбки на лицах. Я вспомнил странное облегчение в глазах папы и надежду в глазах мамы.

А дальше был долгий разговор в семейном кругу. Дальше стало легче. Я понял, что кроме того, кто меня ведет, есть еще и они. Те, кто всегда будут рядом. Всегда поймут и помогут. Мама и папа.

Они научили не бояться зеркал, рассказали о традиции, к которой я принадлежу по праву рождения. Дали почувствовать силу. Дали понять, что я нормальный. И даже более чем. Вновь, в глубине души, ожила гордыня.

В 20 лет я выбрал цель. Я стал полноправным охотником.

Мы не говорим о характере выбора никому. Даже самым родным и близким, таким же. Каждый выбирает цель, каждый выбирает путь. Сету атум – товар штучный. Мы очень щепетильно относимся к праву на тишину.

20 лет – время начала служения. Время обходить дозором разломы реальности, там, где ткань бытия истончилась, и сквозь прорехи проявляются иные миры – миры зеркал. Время выгонять из нашего мира непрошенных гостей. Время доносить до людей простую мысль – Он есть. Время серьезного служения Ему. Через науку или искусство. Через политику или работу дворником, – неважно как, важно успеть донести мысль.

Я так и не получил ответов на свои вопросы. Я так и не понял, кто есть? Кто Он? Я выбрал цель, на которую давно никто не замахивался. Возможно юношеский максимализм, возможно гены. Возможно все вместе. Уже не важно. Важно, что 5 месяцев назад меня услышали. Так появился один и тот же пейзаж. Постылый уже перекресток в центре города. Так началась жизнь сурка. Так было до вчерашнего дня.

Сколько перемен за неполных два дня.

Загружаю в winamp другой плейлист, принимаюсь изучать новый для себя источник информации и опыта – сайт знакомств. Кажется, я понял, что хотело донести до меня зеркало прошлой ночью. Странный, безусловно, ход... однако...

На обратном пути, на самом краю сознания созрело по-

нимание тайного смысла видений ирреального мира. Зеркало подсказало, что или кто может направить меня в нужную сторону. С пришедшим внезапно пониманием исчезла тоска – последний осколок ночного мира.

Маленькими глотками пью обжигающий кофе, тщательно выбираю элементы для своего будущего сетевого портрета – анкеты на модном сайте знакомств.

Мерцание монитора освещает пространство небольшой комнаты. Бледно-голубые всполохи рваными лоскутами застывают на голой бетонной стене. Потратив без малого два часа на создание анкеты, перехожу к самой ответственной части – поиску Её. Я не знаю ни Её возраста, ни Её привычек, ни Её внешности. Делаю реверанс в сторону своей интуиции, просто просматривать анкеты по порядку, все которые есть. Ведь меня ведут, так? Об этом говорило зеркало?

Одно за другим мелькают симпатичные девичьи лица. Мелькают, не задерживаясь в памяти, имена. Все не то и не так. Интуиция молчит, минуты перетекают в часы.

К трем часам ночи список подошел к концу. Раздосадованный неудачей, откидываюсь на спинку скрипнувшего стула, сцепив руки за головой, пытаюсь собраться с мыслями. Где-то закралась ошибка. На каком-то этапе мысли, оттолкнувшись от ложного ориентира, стали уводить меня от правильного направления. Ворох информационного мусора носится в голове: лица, имена, привычки, желания. Хватит на сегодня.

Вновь перестилаю кровать. Вновь придется пережить кратковременную смерть, заставить рассудок зайти в панике. Он всегда паникует, когда хозяина поглощает тьма, а тело отказывается выполнять приказы.

Солнце в зените. Свет огненного диска мучает глаза. Прикладываю ладонь ко лбу, оглядываю окрестности. Куда ни кинь взгляд, всюду одна цветовая гамма – желто-белое крошево. Песок. Единственная достопримечательность – огромная луна, соседствующая с источающим жар солнцем. Поверхность небесного тела лишена привычных кратеров, ровно, ни щербинки. Прекрасно видны нити каналов, покрывающих спутник затейливой сеткой. Интересно, конечно, но какой от всего этого прок? И зачем? Жаль, что так и не научился выбирать нужный мне мир. Каждый раз – пальцем в небо⁷.

Для начала решаю спуститься с бархана, на вершину которого меня выкинул портал. Ноги утопают в исходящем маревом песке, крошечные песчинки забиваются под штанины. Такое ощущение, будто стая злых, как черти, ядовитых муравьев впиваются жвалами в ноги. Стоило только представить эту картину, как начал слышать скрежет хитиновых панцирей черных бестий. Трясу головой – отгоняю наважде-

⁷ Мои примечания. Примечание шестое

ние. Не зная природы этого осколка зеркала, не стоит экспериментировать с воображением. Уж больно быстро отозвался мир на мою картинку, а отражать муравьиную атаку не хочется. Песок под ногами наконец-то перестает скользить ручьем, увлекая меня за собой. Твердая поверхность.

И зачем? Пустыня и есть пустыня. Однако, дело даже не в пейзаже. Я один. Всегда ясно чувствовал присутствие в своей психике постороннего. Того, кто ведет. Вот и вчера... словно за мной наблюдали, словно подсказывали. Сейчас ничего такого нет, внутренний эфир молчит. Это может означать ровно одно – пустую трату времени и сил. Разве что... Решаю избавить совесть от лишних мук. Все же осмотрюсь, прежде чем решение смотаться из этого осколка во мне созреет окончательно. В конце концов, вчерашний прецедент повторился, вновь иной мир, а, значит, все не просто так.

Устремляю волю вверх, ощущаю ее силу, ее напряжение – тело взмывает в воздух. Видимо, желание свалить отсюда слишком велико, ракетой рассекаю небесную синеву, не могу затормозить. Вот поэтому первые шаги по пути охотника – тренировка контроля. Приказываю эмоциям и порождаемым ими желаниям заткнуться. Совладав с животной частью своего существа, завис между голубым небом и ядовито желтой землей. Барханы упираются в горизонт слева, желтеет почва у горизонта справа, впереди такая же картина... Нет, определенно скучный и бесполезный для меня мирок.

Теряя всякий интерес, разворачиваюсь на месте, готовлюсь заложить крутой вираж. В процессе лихого разворота боковым зрением выцепляю голубое пятнышко на фоне уходящих за горизонт золотистых барханов. Интересно, прикидываю расстояние до оазиса – лечу, жмурясь от порывов ветра, бьющего в лицо. Глухо свистит в ушах.

Пятно растет, начинают вырисовываться детали. Довольно большой водоем обрамляют неизвестные мне деревья с широкими, словно весла, листьями. У подножий голых желто-зеленых стволов ютится невысокий тростник. Бедноватый пейзаж, скупой на краски, но и это выглядит ободряюще на фоне всеобъемлющей пустыни.

Иссушающий зной сменился прохладой – парю над озером. Смотрю сквозь неестественно бирюзовую, прозрачную до одури водную гладь. Идиллическая картина. Прохладная, наверняка по-особому вкусная, вода, ровное песчаное дно и больше ничего. Ни тебе камушка, или стайки рыб, или какого-нибудь травянистого хлама на дне.

Резкий старт. Мчусь дальше, безмятежная гладь вспенивается водной дорожкой с белыми барашками пены по краям. Долетаю до противоположного берега, взмываю вверх. Присмотримся к деревьям оазиса. Растут поодиночке, но довольно близко друг от друга. Широкие листья на вершине надежно укрывают в тени растительность у подножий. У левого берега молодой тростник чуть примят, узкая тропинка уходит от берега прочь, скрывается в тени деревьев.

Плавно снижаюсь. Сила притяжения волной прокатывается по телу, задерживается, проходя по сочленениям суставов. Колени подгибаются под тяжестью тела. Пружинящей походкой шагаю по тропке. Спину осыпают мурашки от прохлады, струящейся с озера, солнечный свет становится мягче, уступает место тени. Вступаю в зону теней, порождаемых листвой там, наверху.

Тропка выводит меня к небольшой полянке. Абсолютно голая почва покрыта толстым слоем крупного речного песка. Взгляд натывается на стоящую посреди поляны небольшую пирамиду. Идеально ровные грани безо всякого намека на стыки, швы. Цельная конструкция. От пирамиды исходит уютное тепло, проникает сквозь смуглую кожу ладони, распространяется по телу. Сердце бьется чаще, разгоняет кровь, несущую энергию пирамиды по телу. Энергия концентрируется в основании позвоночного столба, заставляя его напряженно гудеть от непрерывной концентрации потока. Чувствую, как тепло, ставшее жгучим, змеёй ползет вверх по позвоночнику. Часть мышц напрягается, сковывает тело каменным поясом. Другая часть, напротив, расслабляется, их почти не чувствую.

Пока тело раздирает надвое, странное поведение мышц, «змейка» подползает все ближе к основанию черепа. Забеспокоился разум, ясно ощущаю, как вместе с телом, психика также разделяется на две части. Одна, меньшая и суетливая, – я. Другая, грозящая поглотить меня, куда более древ-

няя, пугающая. В памяти всплывают совершенно чуждые мне пейзажи, огромное тусклое небесное тело, занимающее приличную часть неба. «Има Сопдет» – непонятно откуда всплывает название звезды. Я растворяюсь в чужом мире..

Нет! Не время! Будь проклят ты, Акир, презренный, послушавшийся моей воли! Будь проклят твой мир и тот, кто запер меня здесь!

О, сколько мне еще спасти тебя, слабый человек? Приди, мой верный сын, теперь ты дай ему еще один шанс.

Низкий гудящий звук волнами бежит по телу, сшибает с ног, с размаху шлепаюсь на землю. Тут же вскакиваю, потираю пятую точку. «Ого, – бурчу под нос, – у нас гости, и, причем, массивные». Звук – своего рода датчик, характер звука отражает сущность гостя.

С удовольствием подмечаю, что едва уловимое ощущение чужой воли во мне вновь появилось. Значит, на верном пути, к тому же странные ощущения покидают тело, процесс подвержен моему контролю. Убрал руку – нет ощущения, прикоснулся – есть.

Мышечный каркас возвращается в нормальное состояние. Тело больше не обжигает струя энергии. Успокаиваюсь окончательно, присматриваюсь к золоченой поверхности пирамиды. Странный символ на боку – три точки. Более ничего.

Жалко уходить, по опыту знаю, что вернуться сюда будет проблематично. Наверняка автор пути к этому осколку, в котором я нахожусь, спит. А значит, с его пробуждением исчез-

нет и созданная им дорожка, станет недостижимым заинтересовавший меня артефакт. Людские сны крайне редко повторяются. С другой стороны, взбудораженная память выталкивает в сознание воспоминания предыдущего мира. Чудом вырвался в ту ночь, стоит ли так рисковать? А может мне повезет, и этот артефакт – лишь начало? Вдруг следующий мир будет много интересней?

Вспомнив, что я уже не один, задираю голову, изучаю лазоревую высь, щурюсь до рези в глазах от слепящего солнца. В небе появляется черная точка, стремительно набирает высоту. Ясно, выбирает позицию для обзора. Подтверждая мои мысли, гость зависает в воздухе. Не спешу обнаружить свое присутствие. Кто он? Сету атум или рвущийся в мир людей бес? Чёрный, алчный, отвратительный эдимму с тяжелым запахом чужой крови и смерти.

Дальнейшие действия гостя предсказуемы. Единственное, что может заинтересовать пытливым разум в этом мире, – оазис. Путешествующий приближается, и то, что видят мои глаза, нравится все меньше и меньше. Плоская голая удлиненная голова, покрытая ороговевшей кожей, обеспокоенно озирается на несоразмерно длинной и тонкой шее. Шея переходит в покатые плечи, рельефное сухое тело. Лишней мышечной массы нет, нет и жирка – сплошные нити пересекающихся мышц. Явно не человек – делаю вывод, отмечая про себя длинные крокодильи челюсти, наверняка усыпанные острыми белыми зубами. Но и на врага – эдимму – не по-

хож. Однако бежать уже поздно. Существо, не снижая скорости, скрывается за стволами деревьев. Подробностей приземления не вижу – мешает буйная растительность.

Метрах в двадцати от меня шелестит тростник, над щербатой поверхностью серых с зеленью тростниковых стволов возникает змеевидная головка. Осматривается, водит белыми, практически лишенными зрачка, глазами. Не прячусь, повернувшись спиной к пирамиде, смотрю на приближающуюся голову.

Встреча с тварями – не новость. Эдимму⁸ – частые гости в ирреальности. Однажды вырвавшись за пределы черных зеркал, пытаются обосноваться здесь, после, по тропке созданной спящим пробраться в его психику, а там уже... Сводки об очередном маньяке не заставят себя ждать. Да, встретить демона в мире людей – большая редкость. Мой опыт общения с представителем алчного воинства в квартире Валентины – редкость, однако здесь, в зеркале.. И все же не похож, не похож.

Наша вторая задача, задача братства, вышвыривать из зеркал инородные элементы, отправлять на родину. Живыми или мертвыми – это уже не имеет значения.

Я уже в зоне видимости, уже должен быть обнаружен, но монстр деловито шелестит тростником, пробивая жилистым телом дорогу к артефакту. Не подает вида. Хоть бы звук какой издал что ль?

⁸ Бес. Язык нейчери.

Массивная лапа шагает на песок, черные острия когтей моментально утопают в серой массе песчинок. Существо полностью выходит из зарослей, удивленно булькает. Омерзительное зрелище. Не поймешь, то ли человек, то ли ящерица. Черт-те что, но когти острые, а белые глаза навывкате сосредоточились на мне. Может все не так уж печально?

Решаю подойти к вопросу с дипломатической стороны, улыбаюсь, вскидываю руку в приветственном жесте, существо отшатывается. Слух тут же режет угрожающий пронзительный свист. Пасть открыта, воображаемые недавно белые лезвия зубов оказались на месте, – язык дипломатии ему не известен. Змей шагает навстречу, сжимает чешуйчатые ладони в кулаки. Жест более чем однозначный. Можно поджарить противника до хрустящей корочки, можно взорвать его внутренности, но все это стоит лишних трат энергии. Принимаю решение проверить зубастую морду на крепость кулаками.

Боевых стоек не принимаю – это прерогатива киношных «суперменов». Боевая стойка – сигнал противнику, мне же нужна неожиданность. Хороший козырь против зубов и когтей. Поворачиваюсь к гостю, готовлюсь к прямому боковому. Сокращаю расстояние до противника резким подскоком, ступня смачно впечатывается в жилистую грудь. «Хороший тхеквондистский удар», – мысленно ставлю себе «зачет». Сложившись пополам, змей закладывает дугу, сминая тростник. Успех надо развить, врываюсь в заросли

вслед за спикировавшим гадом. Пусто. Кручусь вокруг своей оси, готовлюсь к ответной атаке. Хорошо чувствую тяжелый взгляд, упирающийся в спину. Отпрыгиваю влево кувырком, ступни обжигает волна горячего воздуха. Змей видимо решил не экономить энергию.

Дурень, поджог тростник. И зачем?

Пригибаюсь к земле, впрыскав, стараясь не шуметь, отхожу в сторону. В лоб атаковать бессмысленно, попробуем зайти с тыла. И без того удушливый воздух полнится едким вонючим дымом, кожу обдаёт жар трещащего под натиском оранжевого пламени тростника. Выглядываю из зарослей. Где ты? Долговязая фигура моего оппонента вне зоны видимости. Кругом сизый непроницаемый дым и хлопья выгоревших тел растений. Отхожу к пирамиде. Стоило только раздвинуть тонкие стебли, как взгляд упирается в белесые глаза змея. Стоит у золотистой пирамиды, шипит.

Наученный горьким опытом, делаю несколько быстрых шагов прямо к нему, вижу, как мерцает пламя на кончиках когтистых пальцев, резко меняю траекторию, смещаясь чуть вправо. Противник купился на маневр. Левое ухо обдаёт горячим воздухом, но сама пенящаяся струя жидкого пламени проходит стороной. Равняюсь с противником, удар ладонью в солнечное сплетение заставляет змея согнуться, тут же бью в подбородок коротким, но четким апперкотом. Нокаут.

– Кто ты? – задаю вопрос больше для себя, чем для распластанного в бессознательном состоянии чешуйчатого те-

ла. – Что с тобой делать? Есть ли на тебе кровь моих братьев?

– Гребаная ты мохнатая тварь! – неожиданно для меня вполне себе по-человечески произносит монстр. Приподнимается на локте, не делает, однако, попыток встать в полный рост – опасается новых ударов. – Жарь, жри – чего хочешь делай, но заруби на носу —на следующую ночь я вернусь и отделаю тебя по полной. Уж тогда-то сомневаться не буду!

– Мохнатая? – я настолько опешил от такого поворота событий, что спросил первое, что пришло на ум.

– Ты себя в зеркале видел, кобель? – без тени смущения продолжает вещать змей, осторожно приподнимаясь с земли. Охает, ощупывает, расцветченную в разные оттенки синего, челюсть.

– А чего ты кулаки сжимаешь и шипишь? – продолжаю обалдевать от говорящей ящерицы, сыплю неуместными вопросами.

Змей презрительно сканирует шарами глаз растерянного меня, опирается на ладонь, садится, смешно выставляя острые колени:

– Когда оборотень на мое приветствие отвечает оскалом, я логично полагаю, что надо готовиться к драке. Чего теперь делать будешь? Вытеснишь личность бедняги проложившего тропку в этот мир? А потом?

– Оскалом? Я же прив...

– Рекомендую провести первый день за миской «Чуппи». От этого корма шерсть становится гладкая и шелковистая, –

не дав договорить, перебивает меня змей. – И знай, собака, что я здесь бессмертен. Убьешь мое тело – проснусь в мире людей, а потом тебя все равно найду. Так что, давай, дерзай, не будем обременять друг друга своим присутствием. Как я мог так опростоволоситься? Поддался на его зов, даже не проверил!

– Ты думаешь, что я демон? Так? Но я охотник, а вот кто ты таков?

Змей от удивления забывает о распухшей морде:

– Оборотень – охотник? Это как? Нет, он меня предупредал, конечно, что понадобится моя помощь, но не думал, что дело примет такой оборот! И чем тебе помочь? Шерсть обстричь?

– Подожди-подожди, – выставляю ладонь, прекращая поток удивления, – с чего ты вообще взял, что я оборотень? И кто тебя предупредал?

– Морда кучерявая, когти, клыки, шерсть, хвост – кем еще ты можешь быть?

Змей игнорирует мой второй вопрос, решаю разобраться со всем по порядку.

– У кого морда кучерявая? – на всякий случай провожу ладонью по бритой щеке. – Я человек. С Земли. Можно?

В голове созрела мысль, требующая неотлагательной проверки. Протягиваю руку желая потрогать чешуйчатое плечо.

– Охренеть! – восклицает гость, искажая губы в подобии улыбки, тут же охает, схватившись на щеку. – То в рыло без

разговоров, то смотри-ка... вежливость. Ладно, валяй..

Ощупываю плечо гостя, мысль подтверждается – вместо холода чешуек ладонь накрывает гладкую кожу, ощупываю плечо.

– Это кожа?

– Нет, – змей косит глазом на мою ладонь, гуляющую по плечу, ерничает. – Кожа, конечно, что еще? Ты часом не из этих... светло-синих? Предупреждаю, я не такой. И если моя помощь нужна в этом аспекте, то...

– Ну да, ну да, – отнимаю ладонь, – ты знаешь, каким я тебя вижу?

– В кожаном костюме и с плеткой? – в голосе змея слышится плохо скрываемый сарказм. Отыгрывается за синяк на челюсти.

– Безусловно. Если на здоровенную прямоходящую ящерицу с в-о-о-о такими зубами и в-о-о-о-т такими когтями напялить латекс – то да.

– Серьезно?

– Абсолютно. Кстати, приветствия от тебя я не слышал, злобное шипение – да, членораздельной речи – нет.

Змей захохотал, от переполняющих жилистое тело эмоций, недавний соперник катается по песку, игнорируя мокрые песчинки, облепившие тело.

– Прекрати. – не выдерживаю я.

– Ну я и долбо... М-да! – гость затихает, удерживает рвущийся из глубины тела смех, делает глубокий вдох. – Это же

зеркала! Точнее зеркало! Его вотчина! Ты и вправду крупная рыба, если такие фокусы выделяет... О-хо-хо, – окончательно успокаивается змей, встает в полный рост, – ты не против?

– Чего?

– Сходить ко мне в гости. Посмотри вокруг, видишь – цвета бледнеют? Дорожке между мирами приходит конец, её создатель просыпается. Самое время делать ноги.

– Заманчивое предложение, особенно если учесть, что в твоём мире я никто, а ты – бог. – Скептически хмыкаю, качаю головой. – И потом, ты так и не ответил, кто тебя послал? Чья вотчина?

– Станислав, живу в Сочи в микрорайоне «Ареда». Видишь, я открыт перед тобой. Если причиню тебе вред – ты всегда сможешь меня найти. – Замечая, что его речь не придает мне решительности, змей, вздохнув, выдает последнюю железобетонную гарантию. – Если хочешь, прогуляйся по моей памяти, ну? Заодно узнаешь, кто меня послал.

– Рискуешь.

Я все еще не верю зубастой образине, протягивающей мне лапу в знак примирения. С омерзением смотрю на гладкую зеленоватую кожу ладони монстра.

– Чем? Свободой? Большим рабом, чем я есть, я все равно не стану. И потом, ты не станешь использовать мою память в попытке навязать свою волю.

– Отчего такая уверенность?

– Он мне гарантировал безопасность. Сказал, что мы похожи. Ты идешь один, так же как и я. А, значит, тебе не нужны ни лишние попутчики, ни поклонники, ни рабы. Решайся, или нас выкинет в реальность, и кто знает, какой еще след ты можешь упустить, охотник. – Ящер старательно выделяет слово «еще».

– Что значит еще? Я слышу одни намеки. Так доверие не выстраивают.

– Девушка, охотник, она звала тебя в прошлое погружение. Помнишь? След, перекресток, ну?

Задел за живое, подцепил на крючок любознательности. Колеблюсь еще некоторое время, взвешиваю все «за» и «против». Любознательность берет верх над осторожностью, что, впрочем, вполне предсказуемо, хоть и безрассудно.

– Хорошо, я готов. – жму протянутую ладонь. Странно. Обыкновенное тепло человеческой кожи, перемещаю взгляд в белесые глаза ящера. Очертания морды расплываются, сквозь уродливую физиономию начинает проступать гладко выбритое скуластое мужское лицо. «Он молод, быть может, лет двадцать – двадцать три...», – возникает одинокая мысль, меня всасывает в сознание Стаса. Интересно...

Часть 2. Метаморфозы

– Ах ты, едри его мать! Рамиддин, вспышка справа!

– Дэд, ты как бы ахрэнэл?!

– Влево забирай, тебе говорят, вторую кидаю!

– Да ты не как бы ахрэнэл! Ты савсэм с катушка съехал!

Вжимаюсь в холодную стенку мусорного бака⁹. В метрах двадцати от меня глухо ухаёт взрыв. Пыль, вперемишку с крошевом асфальта оседает на одежде. За баком сажу уже добрых пять минут, пытаюсь вникнуть в обстановку. В колодце типового городского двора кипит бой. Недалеко от меня у припаркованных автомобилей мечется в разные стороны крепко сбитый горец. «Офигеть, машина», – решаю я про себя, отметив лобастую голову с ежиком угольно черных волос, короткую воловьую шею, увитую вздувшимися от адреналина венами, широкие плечи. Рамиддин (как я понял, горца зовут именно так) высовывается из-за покореженного взрывом джипа, поправляет перевязь с внушительных размеров ятаганом, грозит увесистым кулаком второму участнику бойни. Проследив за направлением яростного взгляда, замечаю в окне третьего этажа старичка с аккуратной седой бородкой. Старик, сощутив глаз, выдергивает чеку из щербатой гранаты:

– И не благодари, Папаха! – третий взрыв смял еще пару авто. В голове зазвенели тысячи цикад.

Адресовав крепкое словцо престарелому бойцу, Рамид-

⁹ Мои примечания. Примечание седьмое.

дин с ревом выскакивает из-за укрытия, перекидывает из левой руки в правую хищный ятаган. Метра два, наверное, – прицениваюсь к длине оружия я, – интересно, сколько эта хреновина весит? Посреди двора, как раз на месте дощатого прямоугольника детской песочницы, возникает тонкий клинок черного луча света. Сверху донесся молодецкий свист:

– Долгожитель, по центру пойдут. Погодь-погодь, – останавливает дед, скакнувшего было горца, – сначала артиллерия.

– Ватнык ты старый, – взвывается Рамиддин, – разиня ушаначная! Ты какого хрэна мэня граната абкладывишь?! Знаишь вэд, что па центр пайдут!

– Нет в тебе, Рамиддинушка, жилки военной. Упреждение – тактический прием.

– Я тэбэ да...

– Лягай!

Очередное ругательство горца поглощает оглушающий взрыв. Ударной волной меня вместе с моим укрытием швыряет в потертую стену рядом стоящего дома. Уши закладывает, из носа тонкой струйкой течет кровь. Трясу головой, пытаюсь унять сумасшедший звон, смотрю в сторону детской площадки. Ее нет, на месте песочницы ревет огненный вихрь. Двор усеян осколками битого стекла, кусками развороченного металла – это те машины, что стояли неподалеку. Вижу, как один из горящих остовов авто влезает вверх. Сквозь звон в голове пробивается зауспокойный вой сигнала.

лизаций и яростный клич: «Ура!», – на месте взметнувшегося ласточкой остова возникает мощная фигура Рамиддина. Потрясая ятаганом, горец врывается в огненный смерч.

– Ты смотри-ка, – удивленно доносится откуда-то сверху, – сдетанировало, едрена кочерыжка! Эй, малец, ты чего расселся?

С трудом ворочая шей, задираю голову вверх. Из пустой оконной рамы высовывается обладатель седой бороды, с высоты второго этажа смотрит на меня.

– Ты сам по себе или подсобить зашел?

– Второй вариант, – сказало откуда-то из меня воспитание, что ль? У самого желание «подсобить» отсутствует напроць. И как меня занесло в такую жопу?

– Вот и ладушки! – радуется дед, подмигивает лукавым голубым глазом. Нырнув вглубь помещения, на секунду пропадает из поля зрения, что-то неразборчиво бубнит. Слышу лязг железа. Едва успеваю отскочить, перед моими ногами втыкается в клумбу шашка, в клинке отражается разворачивающееся за спиной сражение. – Бери-бери, златоустовская. Не сечет, а песню поет. И давай, шуруй к хоттабычу, я вас огнем прикрою. Не зевай!

– Это нахрена? – искоса смотрю на блестящее лезвие, все еще вибрирующее от удара. – Сожгу и все дела.

– Парень, не спорь со старшими, – неожиданно сурово отсекает дед, – тот, кто создал этот мир, не верит в магию, зато верит в оружие и силу духа. Бери железку и шагом марш!

– Причем тут вера? Я же...

– Пошел!

Подхватив шашку, благо опыт владения подобным оружием имелся, я что есть сил бегу к Рамиддину. Времени на размышления нет. Из носа сочится кровь, волосы оплавлены – значит здесь можно умереть. Может, в самом деле, силы стихии тут не действуют? Спасибо тебе, дорогой друг, что отправил меня именно сюда. В самую жопу! Раскатать по косточкам Джйортира и всю его родовую не успеваю – реальность заставляет переключиться на рефлексy.

Смерч стих, на его месте образовалась широченная воронка, из чрева которой на свет выбираются человекообразные уроды. Эдимму много. Горец, рубящий пришельцев направо и налево, явно не справляется. Раммидина окружают.

С шашкой наизготовку влетаю в толпу мохнатых тел. Стрекочет пулемет – обещанная огневая поддержка. Приходится маневрировать, пропуская злых стальных ос, свистящих над головой.

Разум уступает место наработанным многолетними тренировками инстинктам. Шашка поет. Каждая новая песня – отрубленная голова, или разрубленное тело. Как учили, один удар – один противник. Прорубаю кровавую просеку, спешу к горцу. Уворачиваюсь от пары когтистых лап, отмечаю, что существа ведут себя бестолково. Обладатели лап воют, конечности, конвульсивно сокращаясь, скребут когтями по оплавленному песку. Рассекаю одного от шеи до бедра,

утираю кровь – мешает обзору, подхватив инерцию удара, направляю шашку в голову второго. Вой, очередные брызги крови. Ботинком придавливаю к земле бугристую голову врага, выдергиваю застрявшую шашку из черепа. Верчусь, сбивая вероятного противника с толку. Постоянно перемещаюсь. Когда врагов столько, движение – это жизнь.

Раздирая кожу, в плечо крепко вгрызается монстр. Не досмотрел. Разворачиваюсь к нему лицом, оставляя в пасти рваный лоскут кожи и собственное мясо, откидываю мохнатое тело пинком, наотмашь рублю. Боль хлыстом стегает по нервам. Надо двигаться. Удар ноги. Еще один урод с воем хватается за вмятый в череп нос. Добиваю шашкой. Крышу рвет. Суки! Забываю, кто я, что я и где я? Хищная сталь вгрызается в тела, отсекает конечности. Просто сбиваю с ног, втапываю головы в землю, – так даже быстрее. Лицо – не лицо, сплошная кровавая маска. Над головой стрекочет пулемет, исправно косит врагов. Недобитых пульей – добиваю. Страхиваю слизь кишок с железки. Наконец, вижу широкую спину Рамиддина. Хорошо работает. Широкий клинок – как продолжение тела. Одно движение – один труп. Качнулся в сторону – нет головы, качнулся в другую – нет головы. Крутнулся – вой и зубовой скрежет.

Дыхание сбито, плевать. Бегу к широкой спине, на ходу орудуя шашкой. С разбега врезаюсь в троих противников, толкаю под описывающий круг ятаган. Мясо.

– Свои! – кричу Рамиддину в спину. – Свои, б..я!

Горец скользнул по мне взглядом, чуть задержался на шашке, оскалился. Решившие было окружать враги, словно единый организм, в испуге отскакивают от мускулистой фигуры горца. Воспользовавшись временным замешательством, кувыркком влетаю в образовавшийся круг.

Занимаем оборону спина к спине. Клинки, опьяненные свежей кровью, засверкали с новой силой. Рамиддин закручивает ятаган по невероятным, сливающимся в единый смерч ударов, траекториям. Рубит. Рубит. Рубит. Я уже работаю колющими, пронзаю наступающих врагов насквозь. Машать шашкой сил нет. Почва становится скользкой от крови и внутренностей. Оплавленный взрывом песок багровую влагу не впитывает. Приходится балансировать, до боли впиваюсь пальцами ног в подошвы «пэцеловских» ботинок. Ослабившееся, заросшее жесткой щетиной, лицо промелькивает надо мной. Все-таки поскользнулся. Звонко хрустнули ребра – упал на бок. Времени нет. Упираюсь руками в кровавую слизь, резко вскидываю тело. Товарищ разрубает напополам одного противника, хватает здоровенной ручищей голову второго – сжимает, не выпуская треснувшего черепа, закручивает смертоносный ятаган в свободной руке, обрушивая сталь на третьего противника. Утробный рык – обезглавленные тела в багровых разводах опускаются на землю. Больше крови, больше слизи!

– Нэ зэвай, – хрипит горец, – пачты все.

Сил на ответ нет. Киваю.

– Эй, пролетарии! – подает голос старик. – Пролетайте.

Синхронно поворачиваемся на голос, видим, как дед выдергивает чеку, примеривается прокуренными зубами ко второй гранате. Больно ударяюсь челюстью о твердое, как гранит, плечо Рамиддина, перед глазами мелькает пейзаж. Горец, схватив меня в охапку, бежит прочь от возникающей ударной волны. Миг. Адский грохот. Стремительно приближается уже знакомая стена дома.

– Ты где так шашкой орудовать научился?

– Как тебя звать-то, малец? И, да. Ты сам откель будешь?

Горец и дед закидывают меня вопросами, пока я накладываю бинт на сочащуюся кровью рану. Странно, но Рамиддин говорит на чистом русском, от тяжелого акцента не осталось и следа. Горячка схватки ушла, схлынули лошадиные дозы адреналина, и боль ой как дает о себе знать. «Козлы, – перекатываю недовольные мысли в ноющей черепушке, – лучше бы помогли с бинтами».

– Стас я. Из Сочи, – затягиваю бинт покрепче, морщусь.

– Русский? – дед привстает с табурета, упирается мозолистыми ладонями в крепкую дубовую столешницу.

– Русский.

– Ах, ты ж... Шельмец! Ты бы знал, как мене эти горцы уже опротивели. То не делай, туда не бросай, – старик ко-

сится на Рамиддина, тянется под стол со счастливым прищуром. – Не понять им нашей метущейся души.

– А шашкой, – отвечаю на вопрос Рамиддина, глядя, как дед грохает о столешницу объемистую бутылку мутного самогона, дружески похлопывает по плечу своего товарища, мол, пошутил, – я первый раз рубил. Много тренировался с китайским оружием, как оказалось, разницы практически нет. Это, встречный вопрос, а куда делся Ваш акцент?

Вслед за самогоном на столе возникает тарелка с квашеной капустой. Горец задумчиво скребет крепкими ногтями тяжелый подбородок, хмыкает, молча тянется к бутылке. Вцепившись крупными зубами в деревянную затычку, откупоривает емкость, наливает серую жидкость в массивный стакан.

– Контузия у Алиича. Как экстремальная ситуация, так акцент появляется. Может мозг силы бережет?

Дед ставит на стол еще два стакана, предварительно протерев их краем маскхалата.

Взрыв поставил точку в баталии. Меня, оглушенного и слабо понимающего, что произошло, Рамиддин поднял на второй этаж высотки. Теперь, скрипя невзрачными табуретками, сидим за кухонным столом. В ощерившемся осколками проеме кухонного окна видна панорама двора. То тут, то там бурой массой валяются тела. На месте детской площадки так и вовсе гора тел со слипшейся от крови шерстью. С трудом сдерживаю рвотный позыв, рвать некуда, нас окру-

жают бетонные стены, иного убранства в кухне нет. Глядя на судорожные дергания моего кадыка, улыбается горец:

– В первый раз вот так, по-настоящему?

– Так – да. Раньше было не так... brutally. Это нормально?

– Что нормально? – похрустывая капустой, вклинивается в диалог дед. – Черти? Нет, это совершенно не нормально. Потому и сторожим. Ты, что, залетный?

– Я охотник! – Поспешно заверяю, понимая, к чему клонит престарелый воитель, опрокидываю стакан самогона в глотку. Морщусь скорее инстинктивно, вкус, на удивление, оказывается приятным. Кисленько. – Но такой хрени еще не видел. Кровь, кишки и у них и у нас... Тут можно умереть?

– Мы не пробовали, хочешь – проверь, – отвечает горец, орошая капустным соком столешницу, меланхолично зачерпывает пригоршню капусты. – Это война, парень. Кровь, смерть – обычное дело. Привыкай.

Сжимаю стакан, следуя примеру странной парочки, молча пью, закусываю. Тихо так, что слышны мерные движения челюстей.

– Так не всегда было, – прерывает затянувшееся молчание пенсионер, – обычно одна-две твари за ночь. Дело не хитрое, скрутили – отправили домой. Не получается скрутить? Пару раз по башне тюк – все дела.

– Года два назад началось, – присоединяется горец, – ста-

ли косяками переть. И самое интересное, вон, – массивная голова кивает в сторону окна, – тела не исчезают. Еще и жидкостями одежду портят, смекаешь, к чему клоню?

– Плоть обрели? Но это же духи, не материальные сущности. И вообще, мы же в зеркале.

– Эти сук... сучности Сан-Саныча чуть на тот свет не спровадили прошлой зимой, месяц ему утки носил по больницам. А ты говоришь не материальные.

Старик протестующе выставляет ладони, трясет бородой:

– Вот не надо, уток не было. Чего ты из меня инвалида лепишь? Перед гостем неудобно, подумает еще что.

– Да, – подмечаю, в полглаза оглядываю жилистую фигуру Сан-Саныча, – на инвалида не тянет. Такой молодым еще фору даст. Широкие ладони с сильными пальцами, сухие увитые венами руки, взгляд озорной, но в глубине голубых глаз таится лед. Такой взгляд может быть только у того, кто повидал много смертей на веку, возможно, не меньше устроил сам. Теперь, на склоне лет, остепенился. Странная компания, ну а уж от панибратского отношения любого скинхеда наизнанку вывернет.

– Рамиддин, извините, что без отчества, а почему Вы кричали «Ура»?

– А чего мне кричать? – горец прищурил лучистые карие глаза, еще чуть-чуть и взорвется. – Пахлава, чучхела, горячая кукуруза? Чего, имя смущает? С таким именем за Россию сражаться запрещено? – Кожа горца мгновенно белеет

от злости, ноздри орлиного носа расширяются, того и гляди перетянет кулаком по хребту. – Да, я, если хочешь знать...

– Ладно-ладно, харэ Алиич, – дед похлопывает вскипевшего товарища по плечу, с силой надавливает, заставляя вновь опуститься на табурет, Рамминдин демонстративно отворачивается от меня, – чего ты вызверился? Он же просто спросил, без всякой задней. Ведь так? – обращает грозный взгляд на меня, я киваю, красный от смущения, не знаю, куда себя деть. – Ты, малец, на него внимания не обращай, он человек характерный, но отходчивый. Спецназовцы мы, оба на пенсии, служили вместе. Чего ему еще кричать? Как учили, так и кричит. Да семья еще... у него в смысле. Жена-красавица, Ольгой звали, он ее с Рязани привез. Любовь – все дела, дети потом пошли. Славные такие ребяташки. Я их на прогулку водил в парк, рассказывал всякое, любимый дядька, как же! Хорошая семья... была. Знаешь, сколько раз я его с петли снимал? Табуретку обратно поставлю, сниму его, а ты попробуй такую тушу стащи, сядем обнимемся и режем как... А чего делать? Он по жене с детьми тоскует, тоже понимаю. И жалко обалдуя этого до чертиков. А делать что? Куда податься? Мало того, что их убили, так и мы ненужные оказались. Так бы хоть в работе забыться, – дед прерывает сбивчивый рассказ, кулькает мутной жидкостью о дно стаканов. – А оно знаешь, как? Приходишь ты, положим, в фирму, или на завод, или еще куда. Тебя, положим, спрашивают: опыт работы? А ты им, положим, как есть говоришь: где слу-

жил, кем, сколько? А они, положим, как услышат, что спецназ, да всю жизнь по горячим точкам, что на Северном Кавказе воевал – так икать начинают. Боятся значит, мол, дураком пришел, того и гляди убьет кого-нибудь. А как узнают, что еще и награды имеешь – все, пиши пропало. А он что, виноват? У него семью бандиты под нож пустили. Меня радости на старости лет лишили. Своих-то внучков нет, так хоть названные были. Пришлось сниматься с мест, переехали от греха подальше, вглубь России. Маемся теперь... Я-то ладно, а он? По городу пройди, попробуй, с такой-то харей. Все косятся, только что на спину не плюют. Как же, носатый пошел, поди на рынке русский народ обворовывает, да девок насильничает. Вот и обижается... Одни мы. Я у него, а он у меня. И весь сказ. Выпьем, командир?

– Висако-висако в гарах... – тяжелая рука едва не вдавливает меня в стол, Раммидин обнял за плечи, улыбнувшись, поднимает тост. Влажная дорожка блестит на смуглой щеке. Стыдно. – Давай, сынок, пей, а на меня зла не держи. Психика ни к черту, за столько-то лет.

В голове шумит, тело вялое и хочется спать. Забавно, хочется спать во сне. Интересно, что будет, если все-таки уснуть? За первый час ополовинили бутыль. Поговорили о политике, о жизни, – это уже традиция для любого застолья. После перешли на философские темы и даже успели попеть. На втором часу и, по совместительству, второй половине склянки, перешли к делам насущным. Я узнал, с чего на-

чалась охотничья жизнь отцов командиров. История, конечно, нетривиальная, обычно в наши дела начинают посвящать с детства, но ясности из путаного рассказа Сан-Саныча и Рамиддина, не прибавилось. Зачем ты послал меня к ним? Для чего? Какой вывод следует сделать, на какой след выйти?

На пятом году жизни в родном городе Ольги, Рязани, горец запил по-черному. Попытки Сан-Саныча вразумить боевого товарища толку не дали. «Решил, что если не удастся устранить ситуацию извне, то ее надо возглавить, – чавкая капустой, вещал пенсионер. – Дурная мысль была, никчемная. Он дурак, а я еще дурнее. Напились как-то до зеленых чертей, затосковали по былому, вспоминать стали... Вот... Я ему говорю, это евреи во всем виноваты. Эти, как их... жидо-масоны. С чего взял? Сам уже не помню. Ага, точно-точно, продолжаю ему втирать, они и родину разрушили и нас по миру пустили и бандитов тех подговорили. Такой красочный рассказ вышел! Сейчас не повторить. Да, так вот, смотрю, друг мой приосанился, глядит на меня зло так и говорит: „Товарищи офицеры! Честь державы поругана мировыми империалистами! Долг советского офицера – отомстить за великую социалистическую родину. Смирно!“ – я аж обалдел от таких раскладов. А потом думаю, и верно, империалисты с масонами сговорились. Ну, встали мы, парадку из шкафа достали, ордена нацепили и пошли... На улицу, империалистов искать. Недолго искали, ага, до первого патруля, они только в нашу сторону направились, я Алиичу

ору, вон, мол, приспешники расхитителей социалистической собственности! ОМОН потом вызывали, уж больно мы в раж вошли. И, главное, деремся и трезвеем. Уже по инерции кулаками машем, хотя и понимаем – не дело делаем. Ладно, хоть не убили никого! Как потом родным в глаза смотреть, как объяснить? В общем, Бог спас. Ну, нас, естественно, в обезьянник, пока суть да дело, начали разбираться. А чего тут разбираться? У нас орденов да наград – всю стену увешать можно. Да свезло еще, майор толковый оказался. В Осетии в девяностых пересекались. Хороший мужик, настоящий. Он нас тихой сапой в монастырь сплавил. Тут, говорит, вам все равно не жить, не сейчас, так в следующий раз жмуров наделаете, а то и сами зажмуритесь, а в монастыре все тише станете. Я его слушаю, киваю понимающе, смотрю, а у Рамиддина глаза на лоб лезут – мусульманин же! Какой с него монастырь? Выбирать не приходится, отправились мы ночью в обитель, встретили нас, пообщались с настоятелем, он на товарища моего смотрит, а тот себя деть не знает куда. Ну, понял отец Сергей все, делать вам, говорит, тут нечего. И паузу делает, многозначительную такую. Мы друг на дружку смотрим, шалеем. Тут нечего, а где чего? Я, говорит, вас к отцу Серафиму отправлю, он своеобразный, как раз по вашей части. Ну, вышли мы за порог и в лес пошли. Отшельник там жил. Идем, а ночь на улице хоть глаз выколи – ни черта не видно. Страшно, жуть! Добрались до отца этого, он, правда, нас встретил. Все честь по чести, за стол усадил, ча-

ем поит с медом вприкуску. „Ну, – говорит, – рассказывайте, как докатились до жизни такой“. Мы и рассказали все как есть. И чего ты думаешь? Ждем благословения на новую жизнь да мирный труд. А он как взъерепенился, как давай нас матом крыть! У нас аж челюсти отпали. Не знаю как Алич, а я чуть в струнку не вытянулся, все порывался честь отдать. Уж больно он на нашего первого командира, Марьиного Серегу, похож сделался, ну по части воспитательного подхода. Смотрите, кричит, чего наделали, до греха меня довели, последними словами ругаюсь на вас, твари... Божьи! Схватил полено, да как давай нас по хребтам охаживать! А мы сидим, глаза, как шары, с перепоею, морды красные. Ни дать ни взять – нечисть. И чего делать не знаем. Не драться же со святым отцом! Да и если подумать, и вправду сами кругом виноваты оказались. А я чувствую, удар у бати правильный, не абы как метелит – со знанием дела, видать, служил где. Ну, отмутил он нас, за шкурки взял и за порог выставил. Я тогда, помню, в конец охренел. Ладно, меня поднять, чего во мне весу, но на этого хряка посмотри! Выставил за порог и кричит, идите дров насобирайте – на утро печь топить нечем. А мне вас, ну то есть нас, козлов, кормить теперь. И, ты знаешь, пошли. Хотя так подумать, с чего бы? Сила в нем какая-то есть... нечеловеческая. Ночь, конец ноября, а мы дрова собираем, – картина та еще. До утра в дровяник складывали. Ну, подробности опущу, но у него мы остались. Мировой мужик оказался, к делу нас пристроил, теперь вот,

службу несем, за кадык закладываем только тут, там ни-ни! Обучил всякому. Трудно было по первой, но ничего, притерпелись. Он, кстати, все-таки из наших оказался, из военных. Как да чего – в подробности не ударялся, да мы и не спрашивали. Чего к человеку в душу лезть – захочет, сам расскажет. Видимо, не доросли еще».

Я выслушал рассказ не без удивления. Все-таки чудная страна – Россия, чего тут только не услышишь, чего не увидишь? И все с каким то надрывом, на грани, еще чуть-чуть и конец. Но каждый раз проносит.

– Пора нам, сынок, – офицеры шаркают ножками добротных табуретов о потертый линолеум, встают из-за стола. Первым протягивает широкую ладонь горец. – За помощь спасибо и за разговор, ты заходи, если что. Нас всегда тут найти можно. Тропку отец Серафим протаптывает каждую ночь. На живца уродов ловим. Главное, запомни все как следует. Запомнишь?

– Такое забудешь, – я ощупываю правое плечо, кривлюсь от пронзающей мозг боли, левой рукой ощущаю крепкое рукопожатие Рамиддина, сжимаю мозолистую ладонь Сан-Саныча, – вам спасибо. Дорогу – идущим!

– Идущему – дороге! – гаркают в ответ пенсионеры, растворяясь в воздухе. Сразу становится пусто, комната обнажает отсутствие уюта, человеческого тепла. Стены отзываются глухим эхом моих шагов, под ботинками скрипит крошево бетона, мелкие осколки стекла, я иду на улицу. Теперь

понятно, почему в этом мире не действует магия. Отец Се-
рафим в нее просто не верит. Дела-а... Таких подробностей
о зеркалах я не знал. Стоит хорошенько запомнить этот мир,
чтобы в следующий раз попытаться вернуться сюда. Запом-
нить все до мельчайших подробностей.

Сквозь дрему возвращающегося в мир сознания доносит-
ся неприятный дребезжащий звук. Уже знаю, что это. Точнее
кто. Нехотя высовываю руку из-под теплого одеяла, дотяги-
ваюсь до прикроватной тумбочки, на которой заходитесь в ис-
терике телефон: «Да, Света. Все в порядке, Света. Да, не за-
метил, что ты ушла. Нет, просто устал вчера. Что? Да не нар-
коман я! Какие кришны? Короче, зая, иди в жопу!». Зачем
я опять с ней сошелся? Только время теряю. Резким движе-
нием откидываю одеяло, шиплю от острой боли, на правом
плече алеет рана.

– С-с-суки, – выдыхаю. – Нет, ну не суки ли?

Уже осторожнее встаю с кровати, шаркая по полу, направ-
ляюсь в ванну, рану следует обработать.

Шумит, парует струя горячей воды, в зеркале отражается
бледное уставшее лицо, правое плечо украшает бинт, бурый
от крови и антисептика. Не думал, что такое вообще возмож-
но. Сложенные ладони впечатываются в лицо, орошая бирю-
зовый кафельный пол каплями воды, – умываюсь. Критиче-

ски оглядываю себя в зеркало. В принципе все в норме, разве что щетина да бинт... Но, это после... после. Насухо вытираюсь, шаркаю в обратном направлении – в спальню.

Утро каждого дня начинается с необходимого ритуала: фыркнул в сторону будущего дня, умылся, пошел разогревать тело, – действия эти настолько въелись в подкорку, что выполняются на автомате, без участия сознания. Впрочем, большинство наших действий выполняются на уровне подкорки.

Отодвигаю кресло в угол комнаты, для нехитрой зарядки нужно пространство. Разогрелся, растянулся, минут сорок на отработку ударов. Ударная техника никогда особо не пригождались, но в свете событий минувшей ночи... Помню во время одной из прогулок с учителем зашел разговор об искусстве вообще и боевом в частности. Я напирал, горячился, приводил доводы и, в конце концов, дошел в своих речах до того, что всякий разумный человек должен заниматься боевым искусством. Тогда мне был задан вопрос:

– А зачем ты занимаешься?

– Чтобы защитить себя и близких, – нашелся я.

– Тогда купи пистолет.

После этого мое представление о боевых искусствах несколько видоизменилось. Пистолета я, конечно, не купил, но вот упражнениям с мечом стал уделять особое внимание. С заточенной железкой на улицу не выйдешь, но если владеешь техникой, то меч с легкостью заменят и стальной прут,

и бейсбольная бита, и просто палка. Битой, в отличие от пистолета, обзавелся.

Отработка закончена, вот и еще двадцать минут украдено у зачинающегося дня.

Мышцы гудят от приятного напряжения, тело исходит жаром – вот теперь, разогретому, можно и побриться. Люблю ощущать легкое напряжение мышц. Спина сразу приобретает правильную осанку, плечи расправляются. На один день ты становишься мужчиной, а не ссутулившимся бесхребетным существом.

«И зачем он меня туда отправил? Люди, конечно, хорошие, но какой от этого толк? Мало того, так еще чуть не издох», – думаю, орудуя бритвой. Наклоняюсь, подставив бритву под струю воды. Распрямившись, примеряюсь лезвием к поросшей щеке. Что-то не так. В зеркале вместо привычного скуластого лица отражается гладкий, словно вырезанный из цельного куска хрусталя, овал. Инстинктивно отпрыгиваю, пятки ощутимо бухают о стенку стиральной машинки. Машинка дребезжит, я матерюсь, накладываю на зеркало крест – так, на всякий случай.

– Вот, что крест животворящий делает! – издевательски грохочет у меня в голове голос.

– Какого хрена?

– Спасибо на добром слове. А сейчас выгляни в окошко...

– Зачем?

– Времени у меня мало, – отчего-то расстроился безли-

кий, – просто слушай и запоминай. Бритву оставь, выгляни в окошко, затем одевайся и без промедлений иди на набережную. Там тебя ждет Борис, твой друг. Он поможет нам решить одну из задач.

– Этот идиот мне не друг, – я сержусь, вспоминая былые претензии к моему патрону. – Я тебя знаю уже второй год, я тебе верю уже второй год. Похоже, это движение одностороннее. Какие-то цели, какие-то задачи. Бегаю, мечусь, сам не знаю зачем? Ты в курсе, что меня могли убить сегодня? И ради чего, ради беседы?

– Слишком много эмоций, недопустимых для сету атум, – отсекает Джйортир, хрусталь, резко потемнев, становится серым. – Все сложится в картину, но не сейчас. Не спеши, охотник, эмоциями и спешкой можно погубить все. Встреча была нужна, она была крайне необходима. Ты это поймешь, но позже. Да и погибнуть ты не мог, не сейчас. Он еще не так силен.

– Хорошо, прости. Но ты сам меня подначиваешь. Вот скажи, кто «он»? Я опять буду работать вслепую? И к чему этот маскарад? Чего ты делаешь у меня в квартире? А если увидит кто?

– Слишком много вопросов, мой юный друг. Пожалуй, с твоего позволения, отвечу на один. Крайне сложно существо моей природы доносить до тебя мысли в период бодрствования. Слишком насыщенный ментальный фон. Сложно заявить о себе, когда в твоей голове одни юные девы, притом

обнаженные.

– Я не виноват, что живу в этом теле. У него, тела, тоже есть потребности. Стоп. – Едва успеваю поймать ускользающую мысль. – Что значит «в период бодрствования»?

В зеркале возникает мое удивленное лицо, Джйортир исчез, оставив мои претензии без ответа.

Приказав себе ничему не удивляться, в который раз иду в спальню. Отдергиваю тяжелые бордовые шторы, задумчиво обхватываю пятерней острый подбородок, почесываю. За окном, на уровне подоконника, отражая солнечные лучики, плещется безбрежная голубая гладь. Ноги подкашиваются, пол медленно приближается. «Вот оно как бывает», – думаю я, первый раз падая в обморок в зеркале.

Сквозь дрему возвращающегося в мир сознания доносится неприятный дребезжащий звук. Распахиваю глаза, резко вскакиваю с кровати, оглядываюсь. Квартира моя, все на месте. На прикроватной тумбочке бьется в истерике телефон. После. Подскакиваю к шторам, рывок. Ну, слава Богу! Спальню заполнил яркий свет солнечного февральского денечка. За окном, как и положено, бугрится высотками Завокзальный район города-курорта Сочи. Чуть дальше, за острыми шпилями устремленного ввысь здания железнодорожного вокзала, открывается вид на узкую полосу берега, вгры-

зающиеся в лазоревое море волнорезы. Чем дальше от берега, тем темнее цвет воды, черная полоска сливается с линией горизонта, за которой уже другая страна – Турция.

Вздрагиваю, в бедро утыкается что-то холодное и влажное, отрываю взгляд от любимой панорамы, снизу вверх на меня меланхолично смотрит Мамонт, помахивает жестким прутом хвоста. Опускаю ладонь на широкий, мощный загривок:

– Что, отец, уже устал от мыслей о смысле бытия? – Массивное тело стаффордширского терьера дергается, Мамонт громко фыркает, трясет лобастой головой. – Гуля... – дразню собаку, зная реакцию на заветное слово, Мамонт вздрагивает, приседает на задние лапы. – Гуляш! – пес склоняет голову, вздыхает. – Гулять!

Звонкий лай, не соответствующий солидному размеру туши пса, бьет в уши, по паркету словно рассыпали горох – Мамонт, резво перебирая лапами, уносится в прихожую. «Ладно, желание друга – закон», – бурчу, направляюсь следом за собакой. «Свободу попугаям»!

Опаздываю, Джйортир просил не медлить, но не изводить же собаку мучительным выбором между желанием справить нужду и угрозой расстроить хозяина? А вдруг разлюбит? Все-таки собаки – удивительные существа, пожалуй, одни из немногих любят нас всей своей мохнатой сущностью просто за факт нашего существования. Вот если бы люди были хоть на мизерную долю похожи в этом на братьев своих

меньших... У охотника много ограничений, одни устанавливаем мы сами – сознательно стреножим низменную часть нашей природы. Часть устанавливают те, кто посвящает нас в братство, кто дает нам цель и путь. Конечно, многим наша жизнь может показаться адом. Пьянки исключены, бездельничать не имеем право, куча строжайших запретов и ни секунды покоя – все в работу, все для однажды выбранной цели. Ну и, конечно, никакого личного времени. Сету атум зарождается в человеке тогда, когда последний решает подчинить свою жизнь служению Атуму, а уже через это служению обществу. Как только это начинает брать верх, и усилия направляются на достижение личного счастья, – охотник уходит из человека, а вместе с ним те, кто дают нам право служить Атуму, забирают у человека жизнь. Да, мой мир суров. Но выгул Мамонта не противоречит моему пути, я надеюсь?

Чистое небо покрывает Сочи голубым куполом, на вершине которого слепит глаза золотое солнце. +25. Почти бегу к площади Морского вокзала. Опаздываю, знать бы еще куда? Хорошо хоть февраль, улицы не переполнены беспечными отдыхающими, не приходится продирается сквозь толпы вальяжно вышагивающих туристов. Перескакивая через ступеньки, спускаюсь с пешеходного моста, нависшего над железнодорожными путями. «Уважаемые пассажиры. Скорый поезд „Новосибирск-Адлер“ прибывает на первый путь», – мелодичный голос диспетчера, слегка искаженный металлическими нотками, оживляет немногочисленных, скучаю-

щих на перроне граждан. Я преодолеваю последние ступени, спрыгиваю на перрон, вымощенный добротной плиткой песчаного цвета, шагаю в сторону выхода.

«Леха, привет! У тебя какой вагон? Ага, понял. Да, тут здорово, завтра будем отрываться в Сочах по полной!» – огибаю коренастого мужчину в не по погоде коротких шортах, цветастой майке, хмыкаю. Если вы хотите вызвать непонимание, а то и презрительный взгляд у местных жителей, скажите: «В Сочах». Или вот так: «Я на Кубани». Можно еще «гекнуть», смягчая согласную. Любой сочинец от таких фраз обозлится и начнет объяснять, что вы находитесь в Сочи, а не в Сочах, что Кубань – это Кубань, а Сочи – это Сочи. Что у них на Кубани вы можете «гекать» сколько угодно, а здесь за такое можно и сарказм схлопотать. «Мы – столица черноморского побережья России! А Кубань – это такая река», – можете услышать и такой ответ на вопрос: «Разве Сочи – не Кубань»? В общем, меня передергивает, но времени на сарказм нет. Спешу.

На глаза надвигается тень – захожу в монументальное здание вокзала, вероятно, строили еще при Сталине. Впрочем, большинство построек в моем городе еще тех времен, все широкое, вычурное, монументальное и обязательно песочного цвета. А вдруг кто забыл, что попал на курорт?

Балансируя на скользком, начищенном до зеркального блеска, полу, устремляюсь к дверям с табличкой «В город».

«Дарагой, машина нэ нада? Дешэво давезу! – трясую голо-

вой, пробегаю мимо смуглого мужчины, оживившегося было от приближения моей фигуры. – Ну как хочэщ. Своим пэщком иди», – бубнит в мою стремительно удаляющуюся спину таксист. Предполагая новые предложения, сторонкой обхожу бабулек, толкущихся у вытянувшихся напротив вокзала пластиковых прямоугольников автобусных остановок, ныряю в подземный переход. Осталось чуть-чуть.

Первое, чем поражает туристов Сочи, – мохнатые пальмы. Стоящие поодиночке, вытянувшиеся в стройные аллеи, или разбитые в шахматном порядке, – символ южной столицы страны. После в глаза жителям Севера, Центра, Урала и других регионов коренной России бросается в глаза пестрый национальный состав. Русские, украинцы, армяне, грузины – не удивляют. А вот, скажем, греки, эстонцы, немцы, адыги, абхазы, турки и прочие экзотические для той самой коренной России народы – весьма-весьма... И да. Солнце. Всегда, даже в зимние месяцы.

Набережная полупустая, многочисленные магазинчики и кафешки разбавляют шум прибоя туповатыми популярными мелодиями. Но это скорее так, для остратки, туристов практически нет, заманивать музыкой некого. Улавливаю нестройную, но полную веселья, разноголосицу. Обладатели голосов выкрикивают мантры под экзотический аккомпанемент аккордеона и маленьких медных тарелок – караталов. Теперь знаю, куда держать путь.

Худшее начало дня – это напоминание о своих собствен-

ных ошибках, да еще к тому же уверенное в своей правоте. Напоминание, имею в виду. На пирсе буйствует оранжевый хоровод. Девушки и юноши, одетые в традиционные индийские одежды, окружают играющего на аккордеоне выбритого налысо мужчину, постукивают в медные тарелочки, повторяют за веселящимся запевалой: «Харе Кришна! Харе Рамо! Рамо-Рамо, харе-харе!» – обычно подобные представления кришнаиты, как их называют обыватели, устраивают в жаркие летние месяцы, привлекают туристов, иногда подначивают вступить в дружные ряды.

Сегодняшние пляски – не норма. Впрочем, для ребят, спонтанно верящих во все, что имеет мистический привкус, понятие «норма» – вообще весьма размыто. Захотели – сделали. Чуть поодаль от веселящейся молодежи стоит крупный, словно вылепленный из шаров, парень. Попытка спрятать огрехи фигуры за черным матерчатым плащом не удалась. На круглом лице застыло хмурое выражение, руки сцеплены за спиной, поза выражает пафос и презрение к миру, переносит вес с правой на левую ногу. Наверное, хочет потанцевать, но созданный образ не позволяет присоединиться к толпе. Бэтмен, блин.

Среди танцующих много моих знакомых, есть и знакомые стоящего поодаль толстяка. И если я по большей части приглядываю за ребятами, выполняю функции, возложенные на меня сету атум, то Боря, а это именно он, старается перетянуть как можно больше людей на свою сторону.

Самое обидное, что на этот путь подтолкнул его я.

Ньюэйдж в Сочи весьма распространен, и это, в отличие от пальм и климата, не сразу бросается в глаза туристам. Тусовка, как я их называю, «разноверов» в основном представлена молодежью и не самой худшей её частью. Этим ребятам не дают покоя вопросы: кто я? кто такой Бог? Что такое жизнь – в общем-то, нужные вопросы, возникающие у каждого мыслящего человека. Не их беда, что в наше время получить квалифицированный ответ очень не просто. В религиозной сфере балом правят шарлатаны. Самопровозглашенные гуру, «как бы маги», «как бы буддисты», «как бы христиане». Эта публика очень быстро поняла, что на возникшем в постсоветской России вакууме можно заработать легкие деньги, главное создать нужный образ.

Православие тут не конкурент. Во-первых, молодежь, по большей части, стремится к нетрадиционным источникам ответов на мучающие вопросы. Ярким, экзотичным. Во-вторых, молодежь хочет всего и сразу. В-третьих, церковь дает огромное количество поводов для злословия со стороны бизнесменов от религии. Мерседесы священнослужителей, неспособность объяснить суть веры, и измеряемая тысячами рублей такса на обрядовые услуги – отличные поводы для тыканья пальцем. Не могу говорить обо всей церкви, но в нашем городе ситуация печальная.

Я приглядываю за «разноверами». Иногда говорю нужные слова в нужное время, наталкиваю на правильные мысли. Ве-

ду к Богу. Делаю это аккуратно, не обрушиваюсь с критикой, но направляю. К тому же, стараюсь не вливаться в тусовку. Своим поведением и образом мысли заслужил прозвище «Махарадж», этакий серый кардинал, негласный лидер. Боря был первым, кого я вытащил из псевдо индийской философии. Вытащить – вытащил, но дело до конца не довел, ушел, оставив его наедине с образовавшейся пустотой в душе.

Понадобилось совсем чуть времени, чтобы ответы на вопросы мой протеже начал искать в магии. Естественно, в черной. Ведь черная магия – самая могущественная. Во всяком случае, так ему объяснил новоявленный учитель – великий маг, кавалер звезды Сириуса первой степени, герой солнечной системы, лорд Ашматон. Господи, и откуда они себе такие прозвища берут? Неужели не понятно, что звучит глупо? Лично у меня в голове, эти титулы ассоциируются с родословной породистого кобеля. Однако Борис повелся. Теперь вот стоит, нахмурившись, ученик великого мага, кавалера звезды Сириуса (первой степени, между прочим!), трижды героя Солнечной системы лорда Ашматона – лорд Дадриуль. Двадцатилетний студент второго курса кулинарного техникума, едва тянущий учебную программу. Ну да, великим магам не следует учиться приземленным наукам, они и так все знают.

Пляски закончились, разноверы улыбаются, смотрят друг на друга невидящими от экстаза глазами, по инерции оставившей их мелодии, притоптывают. Я знаю эту силу – силу

ритма, в конце концов, это мой путь. Путь ритма. Подхожу к начавшей разбиваться на группки по интересам молодежи. Ощущаю на себе тяжелый взгляд блеклых глаз Бориса, – маг увидел конкурента, покушающегося на его территорию, на его паству.

– Поклоны, матаджи! Поклоны, пападжи! – улыбаюсь, кричу разношерстной компании.

– Поклоны, Махарадж! – в шутку отбив поклон, складывая руки на груди, приветствует меня звонким голосом чуть полная белокурая девушка – Санни. Отделяется от толпы – опять все пропустил!

– Ну я же не знал, что вы служить будете. Дома скучно, решил на море сходить, подумать, а тут вы. Расходитесь уже?

– Да нет, не знаю, – Санни забавно хмурит тонкие брови, поворачивается к компании, – ребята, что дальше делать будем? Махарадж предлагает прогуляться.

– Это когда я успел? – удивленно обращаюсь к девушке. Та, показав язык, метнулась к молодежи. Ну вот, уже вытягивает из группы самых нерешительных, не определившихся с дальнейшим времяпрепровождением.

– Здравствуйте, Махарадж. – Пожимаю вальяжно протянутую ладонь подошедшего Бориса.

– Привет, Борь. – Маг хмурится, я помню его пунктик – на людях именовать его магическим именем, специально игнорирую давным-давно выдвинутое требование. Пусть сам справляется со своими тараканами. К тому же я так и не по-

нял, что он мне должен поведать? Вытянуть информацию из замутненного эмоциями рассудка будет намного проще. – Присоединишься?

– Привет, Борюнчик, – походя, бросает магу Санни, вызывая недовольство последнего, за ее спиной переминаются с ноги на ногу пять человек – все, кто поддался уговорам неумной девушки. – Пойдемте? Воздух какой, а?!

Растянувшись цепью, наша компания шагает по узкой набережной, заставляет редких прохожих оглядываться вслед. Выглядим странно. Идущих рядом ребят я знаю давно, еще со времен совместных походов в горы. Вася Сухарик – долговязый, вечно улыбающийся, готовый помочь всем и каждому парень. Прозвище получил за диету, на которой сидел почти год – ел одни сухари. Мол, так энергия лучше по чакрам идет. Карлос и Полина – эта парочка плотно сидит на учении дона Хуана. Первым подсел невысокий, коренастый брюнет Карлос, ну а уж Польке ничего не оставалось делать, кроме как присоединиться к возлюбленному. Тем более, что учение дона Хуана ничего не говорило плохого о вегетарианстве – ее железной жизненной позиции. Последние два участника планируемой беседы на свежем воздухе – Стася и Женя. Две девушки-близняшки, сумасбродные и непоседливые, неотличимые друг от друга на первый взгляд и совершенно разные, стоит только пообщаться с ними подольше. От философии далекие, но общая атмосфера подобных сборищ их неумолимо влечет. Видимо, натура бу-

дущих художниц-мультипликаторов требует чего-то подобного. Обе с рыжими вьющимися волосами, бездонными серыми глазами в обрамлении пушистых ресниц, невысокие, стройные. Статуэтки, приятно посмотреть. Внешность сочетается с наивным детским характером, готовым удивляться и радоваться всему, на чем остановится озорной глаз. Быть может, небогатая семья, в которой растут девушки, располагает к удивительному характеру, крайне редкому среди женской половины родившихся в 90-стых? Будущие мужья обзаведутся чудом.

Сосредоточиться не получается, постоянно отвлекает Санни.

– А ты чего не на работе? Со Светой как, все ругаетесь?

– Отгул взял, чего-то мне после выходных нездоровится, – сказал первое пришедшее на ум, сам только сейчас вспомнил, что сегодня будний день. Благо, работа позволяет исчезать настолько, насколько хочешь. Устроился в молодежный центр при администрации. Читаю лекции для студентов на, как у нас называют, прогрессивные темы: молодежные субкультуры, происхождение мира, история религий. Меня не напрягают с графиком, я радую директора центра благодарственными письмами от родителей, учащихся и педагогических коллективов. К тому же, такая работа позволяет выполнять основную цель – пробуждать людей. Всех все устраивает. Жаль, что подобного не скажешь о нас со Светой.

В свое время меня прельстила миниатюрная, с точеной

фигуркой блондинка. Длинная челка, пушистые ресницы, полные губы, – девушка-сказка. Необычный типаж для Сочи, где все чаще на улицах глаз натывается на полных постперестроечных барышень – детей выходцев с южных республик бывшего Союза. Повелся, одним словом. Позже выяснилось, что в глубине серых глаз Светы кроется холодный камешек, сообщающийся с точно таким же камешком в сердце – попереченина. На каждое мое слово первая реакция – отрицание. Вечная попытка увидеть ограничение ее свободы в моих действиях, вытекающие из этого ссоры. Сходимся – разбегаемся, вновь сходимся. И чего держит? Да и сам хорош. На заре отношений сдуру решил познакомить ее с «разноверами». С тех пор Света вбила в свою упрямую головку мысль о моем пристрастии к наркотикам. С чего взяла? Теперь вот спасает, от секты, от наркотиков. Лучше бы спасла от собственных иллюзий. – Нормально со Светой, все хорошо.

– Хорошо, когда хорошо, – понимающие кивает Санни, перемещаясь в другой край компании, к близняшкам. Зашушукались.

– Махарадж, как думаешь: бросать мне диету или нет? – место усакавшей Санни тут же занял Сухарик. Легкий, воздушный человек с отнюдь не воздушной судьбой. У Васи нет родителей, нет родственников, до Сочи добирался авто-стопом откуда-то из Сибири. О прошлом особо не распространяется, но в редкие моменты, когда тяга рассказать пе-

ресиливает наложенное самим же табу, Вася изливает душу. От родного города, в рассказах парня, всегда веет злобой, нанесенной и непроходящей обидой. Несправедливостью. Что, или кто тому виной? Сложный вопрос, может быть, умершие родители, оставившие Васю на попечение неготовой к такому сюрпризу бабушке. Может быть, сложная судьба бабушки, пробедкавшейся с 20-х годов прошлого века. Коллективизация, продразверстка, голод, война, послевоенный голод. Может быть, черствые сердца одноклассников и мерзкие их поступки – не знаю. Но Васю мне было по-человечески жаль, вероятно, к нему одному я испытывал высокое чувство жалости и желание уберечь от жизненных невзгод. На пути парня их встретилось уже достаточно. С ним я был собой, не играл:

– Смотри зачем ты это делаешь. Если как духовную практику, но при этом все твои мысли о сухарях, а все желания заключаются в тарелке супа, – бросай. В этой практике нет того, кого ты ищешь. Если для здоровья – тоже бросай. Вась, год жрать сухари – это жесть, – улыбаюсь, вызываю встречную улыбку на вытянутом лице возвышающегося надо мной Васи. – Это я тебе как Махарадж говорю.

– А как мне Его найти? Я честно ходил в Ашрам, сначала было интересно, и люди добрые – на душе легче стало. Нет, правда. Очень хорошие люди, но я там Бога не чувствую. В церковь тоже ходил, – там тоже пусто. Может, не туда ходил?

– Вась, твоя беда в беспокойном уме, который заставляет тебя ходить и искать то, что и так в тебе есть, что всегда с тобой. Начни с малого – изучи себя, попытайся ответить на вопрос: кто ты? Сделай шаг. – Легко сказать, сделай шаг, думаю про себя, пока рот произносит нужные для Васи слова. Гуру хренов, сам ответа найти не могу. Разве что Джйорти подскажет. – Понимаешь? А я помогу, если что.

– Ой-ой, какое местечко хорошенькое! – Санни с близняшками совершают маневр: отрываются от компании, бегут к волнорезу, широкой бетонной массой упирающемуся в сонное зимнее море. – Тут здорово, давайте к нам! Махарадж!

Я – негласный лидер. Меня это положение вещей устраивает, но иногда пренебрежение моими интересами вызывает раздражение. Вот как сейчас, смотрю вслед ребятам, потянувшимся за Санни. Девушка уже скачет по шероховатой поверхности защитной конструкции. А она даже не спросила, надо оно мне или нет? Ведь четко дал понять, что хочу подумать один. До уха доносятся радостные визги – близняшки залезли на деревянную смотровую площадку, скользкую от влаги, восторгаются открывшимся видом на море. Хмыкаю, достаю из кармана джинс пачку сигарет:

– Стася, Женя! Аккуратнее, упадете же! – прикуриваю сигарету, качая головой, осуждая возникшую вдруг суету, ступаю на серый с вкраплениями луж бетон. – Матушки, вы чего? Взбеленились?

– Сам ты матушка! Смотри, какая волна пошла! Жуть! – кричит мне Стася. Вторая сестра осуждающе поглядывает на сигарету, тлеющую в уголке моего рта. – Кто-то обещал бросить, не стыдно? А еще махарадж называется!

– Сказано, не то грех, что в рот входит, а то, что из него выходит. Спускайтесь, хватит беситься, весь настрой сбиваете!

В водном зеркале отражаются причудливые тела, вытянутые, подергивающиеся рябью. Сквозь тела, оттуда, из самой глубины, на меня смотрит бездна.

Наша компания расположилась на краю волнореза. Сидим, подложив под пятую точку подручные средства. Я, молча, смотрю в водную гладь, по отражению в зеленой воде отслеживаю происходящее вокруг. Боря спорит с Карлосом и Сухариком. Дискутируют уже настолько давно, что предмет спора успел несколько раз поменяться, однако ребят это не останавливает. Главное победить, тем более, что девушки притихли, следят за развернувшейся баталией. Как же не блеснуть умом перед прелестницами?

– Теория, теория. Один поток сознания, – напирает Боря на Карлоса и умолкшего только что Васю, – а где результат? Мой учитель говорит, что любая теория должна быть претворена в жизнь, и я с ним согласен. Иначе зачем тогда все?

– У меня есть теория, – прерываю свое молчание, – ты маг?

– Да. – Борис злобно смотрит на меня, чувствует подвох,

а ведь победа была так близка! Еще чуть-чуть и дамы кинутся на шею могучему победителю всех и вся.

– Маг – оператор реальности, так?

– Так, и что?

– Ну, раз так – подтверди свои слова. Пройди по воде, или просто взлети. Презри законы реальности, ведь ты оператор. Не то пока я вас слушал, у меня созрела теория, что все твои доводы – просто слова. Опровергнешь ее практикой, ну как учил тебя великий маг Абдурахман, или как там твоего хот-табыча?

– Моего учителя зовут Ашматтон и не тебе его обсуждать, Ибо он...

– Теории, теории, – передразниваю Бориса, – докажи. И все.

– Ну, зачем ты так? – Санни тоже решает подключиться к беседе. – Мечтать же никто не запретил? Вот Боречка мечтает, и Сухарик мечтает и Карлос тоже. Я вот верю, что у Бори все получится. Пусть и не сразу.

Маг, чувствуя поддержку, приосанивается:

– Сам-то докажешь?

– Я скромный человек, к тому же курящий, – что мне доказывать? – улыбаюсь, знаю, что его это бесит. Давай, чудак, давай выкладывай, что там у тебя на уме! Третий час теряю время впустую.

– Конечно, ты только вещать можешь, а как до дела доходит... – Боря оглядывается на ребят в поисках поддерж-

ки, предоставляется уникальный шанс свергнуть меня с пьедестала лидера. Группа молчит, но повара-недоучку уже не остановить. Почуял кровь.

– Хотел демонстрации? Пожалуйста! Сегодня в полночь я приду в твой сон, и тогда посмотрим!

Мне смешно. Нет, правда. Он придет в сон охотника – напугал. Однако виду не подаю, зато поддаю жару:

– Ну да, ну да. А если я ничего не увижу, а так, скорее всего, и будет, на утро ты скажешь, что я просто забыл. Ведь так было, Карлос?

– Не знаю. – Брюнет пожимает крепкими плечами. Конфликты не его конек, Карлос, несмотря на суровый вид, – миротворец. – Может и приходил, может и в самом деле я забыл. Кто знает?

Борис бледнеет. Обладай он хоть зачатками силы, наверное, я бы уже полыхал как факел, хорошенько пропитанный горючкой. Но силы нет, остается полагаться на слова и эмоции.

– Я к нему приходил, – сквозь зубы цедит толстяк, сжимает кулаки, – он просил доказать – я доказал.

– Конечно-конечно, – вновь улыбаюсь, – мой дорогой Фредди, как там улица Вязов поживает?

– Значит так! – Маг от захлестнувшей злобы хлопает пухлой ладошкой по бетону, пыхтя, меняет позу – встает на ноги, нависая над всеми нами. – Сегодня в полночь заходите на ресурс «Черная реальность». Мой лорд будет проводить

семинар. Все сами увидите! Будет вам практика. Будут вам чудеса! Но за это я требую, чтобы Стаса в нашей компании больше не было. Или я – или он! – Борис наклоняется ко мне, кладет руку на плечо, чуть сжимает пальцы. – Согласен, Махарадж?

– Согласен, чего не соглашаться, когда я точно знаю, что твои слова – пустые понты? Ребят, в полночь на сайте пересечемся, а я пока пойду. Мамонт уже, наверное, с ума сходит от желания. Опираюсь на руку, легко поднимаю тело. – В полночь, не забудьте. Борис обещает веселье!

Спиной чувствую напряжение, разливающееся в воздухе. Борис выговорился, накал страстей спал. Теперь, наверное, сожалеет о сказанном. Ребята молчат – опешили от такого финала, не могут собраться с мыслями. Меня никто не оставивляет, не пытается вернуть, – приходят в себя. Я же добился своего, след найден, ну а Борю еще успею поставить на место. Спасибо Джйортир.

Темно. Ночной город отгоняет тьму тысячами неоновых огней, фонарным светом, ярким светом несущихся по дорогам машин. Я тоже вношу свой вклад в эту борьбу цивилизации и первозданной стихии. В квартире горит свет. Везде. Впрочем, везде – слишком громко сказано. Небольшая комната, окнами выходящая во двор, кухня и закуток

прихожей – вот и все богатство. Все, что я смог себе позволить на скромную зарплату специалиста 2-ой категории муниципального учреждения, созданного при администрации города. Естественно, квартиру снимаю. Моя принадлежность к братству вносит свои коррективы, в частности требует уединенности. Подальше от чужих глаз, даже если обладатели этих глаз самые близкие для тебя люди – родители.

В браузере открыты два окошка: почта и чат. Откинувшись на спинку офисного кресла, слежу за перепиской посетителей сайта «Черная реальность», мелкими глотками цежу кофе. Бодрость будет нелишней, изучаю ресурс больше часа, но толку от этого... Очередной бредовый сайт, предлагающий неопитам, в основном, закомплексованным подросткам, приобретение сверхспособностей. Несколько разделов на главной странице, освещающих различные виды «магии», чат и фиолетово-черное оформление. Конечно, пентаграмма и черная кошка на первой странице – куда без этого? Вяло... Привлекает внимание только отсутствие рекламы и требований перечислить N-ую сумму для приобретения всех этих «сверх» и «супер». Значит, админ преследует иную, нежели обогащение, цель. Интересно: какую?

В прихожей шумно вздыхает Мамонт, скучает без мамы, жалуется. Ничего-ничего, на выходных к родителям заглянем. От мыслей о родителях отвлекает телефонный звонок. Звучащая из прихожей мелодия сопровождается утробным ворчанием пса. 23:45 – кидаю взгляд на «рабочий стол»,

и кого в такую позднину проперло? Запрокидываю кружку, на язык падает приторная капля – размешал плохо, сахар остался на дне. Морщусь. Колесики кресла катятся по ламинату – отодвигаюсь от клавиатуры, упершись ногами в нижнюю перегородку компактного компьютерного стола, сладко потягиваюсь. Кофе, нужно кофе, заодно посмотрим, кому не спится в ночь глухую? Шаркая тапками, направляюсь на кухню.

– Привет, ты чего не звонишь? – Мамонт лаял не зря. Звонит Света, очень не вовремя звонит.

– Привет, да я занят был, сейчас тоже как бы...

– Я так и знала! Это Маша тебя занимает там? Передай это крашеной суке, что семью разрушать – грех! Ей счастья все равно не будет!

Господи, слушаю, и мир теряет всякую логичность. Вот именно сейчас надо было позвонить! И ведь знаю, что переубеждать бесполезно. Какая Маша, откуда ее сознание вообще вытащило Машу?

– Свет, единственное, что меня сейчас занимает – это твои тараканы. Привет самому усатому. Успокойся, нет никакой Маши, мне просто надо было подумать, побыть одному.

– Да, значит тебе без меня хорошо? Так? – голос Светы приобретает истерические нотки. – Козел ты! Столько времени на тебя извела, думала, человека сделаю! Ты опять наркотой закинулся?

– Ну, да, – как ни в чем не бывало, отвечаю, верчу пустую

кружку кофе в свободной руке. Кофе – это же наркотик, так?

– Да пошел ты, урод! Развлекайся со своей Машей дальше! Утром приду – кружку свою заберу, и на этом все, и не вздумай звонить мне больше!

– Так, это ты в основном...

– Иди в жопу!

В ухо стучат короткие гудки отбоя. «Ты чего-нибудь понял?» – обращаюсь к лежащему у дверей Мамонту, тот фыркает, умащивает тяжелую морду на мускулистых лапах, закрывает глаза.

Медленно помешиваю бурую жидкость в медной турке. Уже давно почувствовал, что с зеркалами творится неладное. Сначала почувствовал, а потом понял, трижды за ночь оказавшись в кошмаре. Они стали играть с нами, словно получили волю и разум. Энергии на полноценное путешествие требуется все больше и больше. Четко рассчитать маршрут практически невозможно, каждое погружение – пальцем в небо. И отовсюду прут эдимму. Братство едва справляется. Теперь вот, к тому же, демоны категорически отказываются исчезать, оставив тело. Словно ожили, стали настоящими. Чувствуется чья-то злая сила и, кто знает, остановится ли она на пространстве зеркал, или ее цель куда более вещественная?

Чем дальше я об этом думал, чем больше находил подтверждений для беспокойства, тем сильнее вгрызался в мою душу страх. Дошло до того, что создал в зеркалах свой соб-

ственный мирок, свой осколок. Личный бункер, на всякий пожарный случай. Именно там меня и нашел Джортир. Можно сказать, подобрал скатывающийся в панику рассудок.

Удивительно, но я ему поверил, каждому слову. Не зная о нем практически ничего, не видя его лица, – лишь смутные очертания высокой фигуры, – поверил и верю до сих пор. Он, во всяком случае, обладает хоть каким-то объяснением всему происходящему. Знает, что за всей системой зеркал скрывается очень могущественное существо, знает, что к людям оно относится с легким пренебрежением. Но не знает, где оно и чего оно хочет? Имя, впрочем, тоже не называет. На все мои вопросы отвечает либо отказом, мотивируя невнятной фразой «время еще не пришло», либо просто исчезает. Вот как недавно, в ванной. Пусть, пока довольствуюсь и этим. Пока. Во всяком случае, я осознаю угрозу и хоть что-то делаю. Все те охотники, с кем мне приходилось общаться, даже не чешутся. Списывают все аномалии на изменившийся вектор нравственности в людском обществе. Мол, люди сами тянутся к пороку. Жаждут его – вот демоны и лезут, а зеркала реагируют. Может они и правы? Не знаю – не знаю, но каждый разговор со Светой наводит на определенные мысли. Может ее демон обуял? Иначе, какой смысл доводить меня и себя?

Кофе вспенился, вот-вот перельется за края посуды. Подхватываю турку с огня, выливаю бурлящий напиток в за-

ранее подготовленную чашку.

Поскрипывает кресло, глаза бегают со строчки на строчку. Отслеживаю переписку нескольких участников чата, пытаюсь угадать, кто скрывается за псевдонимами? По характеру фраз видно, что наших еще нет, нет и ужасного Абдурахмана, или как его там? Все время забываю этот бестолковый набор букв. Надо будет подсказать «как бы магам» маркетинговый ход – придумывать псевдонимы попроще, больше народа потянется. Скажем, чародей Болт, или великий маг Кожаный Рог – куда проще запомнить!

Мелодичный перезвон колокольчика оповещает о вновь прибывшем участнике чата.

Приветствуем Asmodei!

Вот, это уже ближе к истине.

Приветствуем Astarot!

Отлично, ученик и учитель собственной персоной.

Приветствуем Взъерошенный Элвис!

Приветствуем Космоголик!

Приветствуем Хомяк Лого!

Приветствуем Рыжык и Пыжык!

А это уже наши подтянулись! Смотрю на ники, и губы разъезжаются в ухмылке от резкого контраста дурашливых псевдонимов «разноверов» и вычурных, с обязательным намеком на ад, прозвищ коренных обитателей ресурса. Колокольчик словно взбесился – трезвонит уже добрую минуту, оповещает о приходящих участниках семинара.

Asmodei говорит: Доброй ночи, мои дорогие темные существа! Надеюсь, прошедший день не слишком расстроил вас идиотизмом окружающих двуногих животных? Мы – другие, мы – сильнее, мы – могущественнее, с нами наш темный господин лорд Люцифер! И сегодня, с его позволения и по вашим многочисленным просьбам, я дарю вам власть над людьми.

Космоголик говорит: А печеньки? Да прибудет с тобой сила, великий лорд!

Грешно смеяться над юродивыми. Беспокоюсь, как бы мои подопечные не спугнули хоттабыча.

Рыжык и Пыжык говорит: Хотим котиков!

Asmodei говорит: Сила с моим господином, а значит, и со мной. Внимайте же дети ночи моим словам!

Дурак или и в самом деле не догнал аллюзию на «Звёздные войны»?

Azazel говорит: Сегодня лорд откроет перед нами глубочайшую истину. Вася, Карлос, вы же хотели доказательств? Так имейте уважение и молчите!

А вот это уже свинство, в сетевом пространстве принято именовать друг друга по псевдонимам, не раскрывая тайну личности. Или Боря отыгрывается за наше пренебрежение к его прозвищу в реальном мире? Разноверы притихли, молчат и лорды. Вероятно, сетенавты перешли в личку – общаются друг-с другом не доступные для общего пространства чата.

Надо брать инициативу на себя, захожу под псевдонимом, придуманным на скорую руку.

Приветствуем Дьявольского рыцаря!

Дьявольский рыцарь говорит: Народ, чего молчим? Кто читал «Некрономикон»? И где обещанная инфа?

Asmodei говорит: Некрономикон – никчемная подделка. Какая информация тебя интересует, воитель ада?

Дьявольский рыцарь говорит: Наверное, Вы читали не в том переводе. Я пробовал некоторые ритуалы – они работают! Мне ребята в сети говорили, что тут будет ритуал посвящения в темные владыки!

Валяю дурака, конечно, но подобная публика весьма падка на неокрепшие души. Портрет виртуального меня созрел довольно быстро, теперь претворяю его в жизнь, отхлебывая кофе.

Asmodei говорит: Я читал все переводы. Я знаю, о чем говорю)) Посвящение? Нет, но будет кое-что лучше.

Дьявольский рыцарь говорит: Я тоже знаю. Некромантией уже не первый месяц увлекаюсь!!!

Asmodei говорит: Не первый месяц? Ты – новичок. А я – мастер.

Дьявольский рыцарь говорит: Не первый месяц – это некромантией!!! А так я еще гоэтику практиковал и учение Блаватской!!!! Когда будет «кое-что» получше?

Пальцы порхают над клавиатурой, ухмыляюсь. Образ болвана получается на «отлично». Теперь остается зацепить

упыря за раздутое эго, и можно считать дело сделанным. Интересно, почему молчит народ?

Asmodei говорит: Блаватская – ерунда. Надо изучать первоисточник))

Дьявольский рыцарь говорит: Сами Вы ерунда!!! Она и есть первоисточник.

Asmodei говорит: Нет, ты ошибаешься.

Дьявольский рыцарь говорит: Да и кто же тогда первоисточник, о, Великий!?!?!?

Asmodei говорит: Я. Судя по знакам препинания, ты молод и неопытен. Я могу все.

Дьявольский рыцарь говорит: Я не молод!!! Мне 16!!! Одни понты! Где практика?

Дальнейшее развитие событий было предсказуемо. Немного строптивости в начале, потом толика удивления, потом интерес к великой персоне хоттабыча. Потом лесть и под финал просьба взять шестнадцатилетнего несмышленища в ученики. Люди, искренне считающие себя сторонниками темных сил, любят подобные эмоциональные коктейли.

Asmodei говорит: Мне нравится твой напор. Мои братья и сестры, вот файл: <http://tworld/most/doroga.doc> – качайте документ и внимательно следуйте инструкции. Я жду вас в моем мире. И помните, уснуть надо не позднее трех часов ночи!

Дурак – не дурак, а в тонкости процесса посвящен, Борьку надо спасать. Читаю скачанный текстовый документ, от-

бываю тонкими пальцами барабанную дробь по столешнице. Не все так просто. В документе описывается техника погружения в зеркала. Не самая сложная – для новичков, но и она не должна была попасть в руки людей, тем более, таких как этот. Переживать заставляет и время, обозначенное магом для начала практики, – три ночи. Отличный выбор, если ты хочешь подселить в тела неофитов какую-нибудь тварь. Слишком много знает для «как бы мага» товарищ хоттабыч.

Надо серьезно подготовиться. Три ночи – миг свободы для всякой твари из нисходящих миров. Значит, уже пробовал, значит не в первый раз. Что ж, посмотрим кто кого. Бодрюсь, но волнение неприятно гложет душу. Придется лезть в его мир. В мир, где он может все, где, скорее всего, мои способности будут ограничены. Интересно, в этом мире тоже можно будет умереть? Стоит вспомнить приятную на ощупь рукоять шашки, зеркальный блеск клинка – мой козырь.

Еще чуть-чуть. Под ногами стелется узкая разбитая дорога, по обочинам дороги темнеют невысокие деревянные домишки, шумит прохладный ветер меж веток высоченных тополей. Выхожу к кладбищу. У меня есть преимущество перед несчастными, захотевшими примерить на себя всемогущество. Я полностью осознан в этом мире, новичок, погружаясь в зеркало первый раз – овощ. Без труда воплотившись

в мире, созданном воображением мага, решил в первую очередь осмотреться, прежде чем идти на место сбора, старательно описываемое в инструкции.

Непуганый идиот – делаю вывод после непродолжительной прогулки. Никаких препятствий для чужой воли. Я могу здесь летать, могу использовать стихии, шашку, меж тем, не выпускаю из рук. Пусть послужит отвлекающим маневром, да и энергию надо поберечь. Спасибо Сан-Санычу за подарок.

Луны на небе не видно, от того атмосфера места куда как зловещая. Волчье солнышко хотя бы отгоняет тьму, а так... Высокие кладбищенские ворота закрыты. Ускоряюсь. Короткий разбег, тяжелый ботинок слегка касается кованого железа, уходящего в вертикаль на добрых три метра, нахожу точку опоры, отталкиваюсь, перелетаю через ограду. Контуры крестов, могилок, гранитных стел и не стихающий ветер.

Когда-то, перед тем как сделать свой самый главный выбор и стать тем, кем я являюсь, я частенько прогуливался по подобным местам, по большей части днем. Бродил меж могил, всматривался в надписи, пытался вместить в себя простую мысль – мы смертны. Смертны и недолговечны. А это значит, что в этом мире стоит выбирать ценности более вечные, чем мы сами, пути более долгие, чем мы сами. Только так человек способен прорасти в себе вечность и прирасти вечностью. Все другие варианты заканчиваются расстройством, прахом и горсткой, нажитой за недолгую жизнь

разрисованной бумаги. Заброшенные могилы были прямое тому подтверждение. После сделанного выбора открылся горизонт событий, и на душе стало много легче. Позже, лет в 14, пришло увлечение индийской философской традицией. Так во мне зарождался охотник.

Выбор был сделан давно, на улице безлунная ночь, и подобные мысли уже не посещают голову. Стараясь не шуметь, не задевать ломкие ветки кустов, пробираюсь через кладбище.

Стою на перекрестке, с успехом пройдя мрачное местечко вечного покоя, оглядываю местность. Перекладываю шашку в правую руку. До ритуала осталось от силы двадцать минут. Верчу головой в поисках удобной для наблюдения позиции. Замечаю раскидистые, высокие кусты сбоку от перекрестка, отличное место. Множество тонких веток, усеянных широкими листьями, скроют и медведя, не то, что меня. Теперь отсутствие луны мне на руку, аккуратно раздвигаю колючие ветви, скрываюсь в листве. Сейчас самое трудное – застыть и не отсвечивать. Последнее не метафора, втягиваю все свои зеркальные оболочки в здешнее тело, сужаю контур до минимума. Кто его, упыря, знает? Почует – придется мне туго.

«Ага», – едва слышно буркаю себе под нос, в кровь впрыскивается адреналин. В центре перекрестка из темноты постепенно выплывается фигура высокого мужчины. Мужчина осматривается, дает отмашку костистой рукой. Я отодвигаюсь вглубь кустарника. Перекресток заливают бледный

свет появившейся на небе луны. Его мир повинуется желаниям создателя. Плохо.

Маг хмыкает, ведет рукой, очерчивая в воздухе круг, тонкие губы шепчут слова на неизвестном мне языке. Вокруг художавой фигуры, облаченной в безрукавную футболку, узкие штаны, образуется рисунок – окружность с вписанным в нее пересечением линий. Порядок линий внутри круга хаотичный, – никакой логики. Длинные узловатые пальцы приглаживают редкие седые волосы. По бокам круга возникают аналогичные фигуры меньшего размера. В каждой из фигур появляются остальные действующие лица. Присматриваюсь к вновь прибывшим – в основном подростки. Как же, к кому еще подселать эдимму? Юная открытая душа, лишенная критического мышления, опыта, силы. Одни эмоции да тяга к протесту, разрушению – отличная питательная среда. Провожу ногтем по острому как бритва краю шашки. Знакомых среди стоящих на перекрестке не вижу. Молодцы разноверы – ни один не повелся на обещание, подкрепленное именем Люцифера! Чистые души, пусть и бестолковые еще. Вот таких надо брать под руки и вести – оплатят сторицей. Я тоже молодец, – беседы не прошли даром.

Художавый отстегивает от бедра небольшой трехгранный кинжал с костяной рукоятью, скрипя кожаными штанами, наклоняется, соединяет прямыми линиями все окружности в единый рисунок. Адреналин клубится в теле, мышцы требуют действия, еле сдерживаюсь, чтобы не начать действо-

вать прямо сейчас. Поскорее бы прекратить это затянувшееся ожидание. Сверкающие грани кинжала в руке упыря заставляют сердце биться сильнее. Ситуация становится все опаснее.

Завершив начертание соединительных линий, лидер, властным движением раздвинув мешающих пройти подростков, входит в центр круга. Расправив плечи, упырь становится еще выше, окидывает пустыми, ничего не выражающими глазами место жертвоприношения. Что-то заметил? На всякий случай сжимаю рукоять шашки крепче.

Маг вскидывает руку, ведомая его силой, со своего места срывается одна из жертв, безвольно раскинув руки по бокам туловища, с запрокинутой головой, фигура жертвы подлетает к мужчине. Мертвенно бледное лицо колдуна искажает ухмылка, он обхватывает жертву за талию, придвигает к себе, замирает.

Жду дальнейших событий, присматриваюсь к действующим лицам. Внимание привлекает фигура, стоящая рядом с магом. Девушка. Длинные прямые волосы волной ниспадают на плечи, опущенное к груди лицо мешают рассмотреть черные с рыжиной пряди, удастся рассмотреть только аккуратный подбородок, изящную линию губ. Лицо смуглое, кисти рук тонкие, аристократичные, высокая талия, притягательная линия бедер, переходящая в силуэт длинных ног. Красивая, но влечет не этим. Даже сейчас, когда в ней отсутствует разум, чувствую грозную силу, исходящую от без-

вольного, прижатого к боку колдуна телу. Выбрал ее как живой аккумулятор?

Однако пора присмотреться и к упырю. Закрываю глаза, осторожно, чтобы не раскрыть себя, направляю взгляд на главаря, хмыкаю. На черном экране внутреннего зора темно-фиолетовым пятном пламенеет фигура мага. От тела отходят трепещущие фиолетовые отростки, переплетаясь, дрожа, устремляются куда-то прочь, образуя сферу. Отростки пульсируют, вытягивая из пустоты силу, проталкивают их по своим телам в центр, в тело хозяина. В такт пульсации «червей» извивается фигура упыря. Понятно, начал подпитываться.

Правильно, свечи, хрустальные шары и прочая дребедень ему не нужны. Антураж для простаков, а колдовать можно и так, походя.

Становится уж вовсе не уютно. Тело затекло от неудобной позы и длительного ожидания, ветер еще этот... Все действие происходит в полной тишине на фоне мрака и тяжелого кладбищенского душка... Однако.

Последний раз окидываю упыря внутренним взором, над разросшейся фиолетовой фигурой, оплетенной новыми пульсирующими отростками, нехотя открывается черный зев портала. Зев настолько черный, что края его отчетливо видны на фоне моего ментального экрана. Пора. Медленный выдох, дрожит лезвие шашки, обнажая мое волнение. Еще вдох, поглубже, до боли распираемых под давлением легких

ребер.

Круша хрупкие ветки, в прыжке вылетаю на перекресток. Расталкиваю едва живых подростков, подскакиваю к магу, на лету делаю короткий взмах острой закаленной железкой. Скрежет металла о металл. Неуловимым движением маг вскидывает кинжал, защищает грудь. Лезвие шашки скользит в бок, не попадает в цель. Маг отпрыгивает, отшвыривая прочь брюнетку, холодные глаза удивленно смотрят на надвигающегося меня. Вновь замахиваюсь, но не успеваю сблизиться. В глазах потемнело от боли, отлетаю назад, сшибая тела будущих жертв. По воздуху разносится запах озона и язвительный каркающий смех, кожа на моей груди вздулась волдырём, от руки мага исходит голубое мерцание. Твой мир, да?

Подбираюсь, резко вскакиваю с земли, два быстрых шага в сторону долговязой фигуры, прыжок. Взмыв в воздух, перехватываю шашку, направляя острие вниз, камнем падаю на опешившего чародея. Успеваю увернуться, клинок едва пробует бледное тело на вкус. Маг морщится, зажимает рану на плече, из-под длинных пальцев проступают красные капли. Я резким движением стряхиваю кровь с клинка. Играть, так играть. Теперь в моей ладони разгорается жар, растет огненный цветок, заставляет деревья отбрасывать длинные тени. Жидкое пламя, шипя, стекает на землю, прижигает камни, огненный шар срывается с ладони, нестерпимым жаром обдаёт тело моего противника. Почва покрывается язвой –

дорожкой из пламенеющих капель. Направив клинок в сторону мага, приближаюсь к обуянному пламенем телу. Вот и все. Клинок к бедру, взмах, лезвие несется навстречу полыхающей шее.

– Нет. – Охваченная пламенем голова оскаливается, обожжённые губы разъезжаются в улыбке. – Они ваши. Все.

Лезвие со свистом рассекает воздух, – промахиваюсь, маг, качнувшись назад, прямым ударом ноги откидывает меня прочь, группируюсь, ожидая падения, но вопреки ожиданиям тело не падает на землю, упираюсь в мягкое. Над затылком раздаётся утробный рев, нос закладывает от сладковатого запаха гниющей плоти. Эдимму. Колдун, не прекращая ухмыляться, разводит руки в стороны, между ладонями мечется молния.

Впечатываю тяжелый ботинок в ступню демона, вкладываю всю силу, весь вес. Монстр шалит от неожиданной боли, теряет бдительность. Этого достаточно. Рукоять мелькает перед глазами, перехватив шашку, пронзаю тушу, стоящую сзади. Рев, лезвие с трудом, но входит в тело, рвет мягкие ткани. Резко выдергиваю клинок, прячусь за обмякшую тушу, треск электрического разряда, запах паленой шерсти, едва удерживаю бьющуюся в конвульсиях тушу, кувырком лечу в бок. Над бледно-голубым от лунного света перекрестком пульсирует портал. Из портала показывается зубастая пасть, эдимму обводит местность черными бусинками глаз, рычит, обнажая клыки. Жест наотмашь, в морду врезаются

пламя, выжигает глаза, подпрыгиваю к порталу, рублю шашкой, рассекая череп эдимму надвое, не успеваю обернуться – спину обжигает холодная плеть. Кричу от боли, пытаюсь унять бешеное сокращение мышц, оборачиваюсь, вижу, как маг закидывает девушку на плечо, бежит в лес. Ноет раненое прошлой ночью плечо, до тошноты доводят ожоги на груди и спине. Жертвы лежат, обессиленные, каждый в своем круге. Портал жив, пока жив его хозяин. «Ну с-с-сука», – хриплю, подхватив с земли отлетевшую от удара молнии шашку, бегу за колдуном. На полет сил уже нет, сон по два-три часа в сутки в последние два года дает о себе знать, не успеваю восстанавливаться. Пробегая сквозь кусты, прикрываю свободной рукой лицо. Отражаясь в клинке, мелькает трава, – набираю скорость, колдун меня опережает.

Легкие едва справляются, сердце заходится от набранного мной темпа. В реальном мире так не побегаешь, пулей пролетаем территорию кладбища. Колдун на бегу поддает плечом кладбищенские ворота, те, гулко ухнув, распахивают свой зев. Сколько силы в тощем теле! Несусь следом, почти нагнал, шашка наливается тяжестью в руке – чувствует кровь. Под ногами асфальт, мертвый взгляд мага обжигает похлеще молний – оглядывается на меня, не прекращая движения, резко вскидывает руку, отскакиваю в сторону, пропускаю искрящийся разряд, продолжаю преследовать.

Бежим какими-то закоулками, ботинки звонко шлепают по лужам воды, скопившейся в углублениях асфальта. Слева

и справа мелькают стены, бока многоквартирных домов сливаются в сплошную грязную линию. Пространство расширяется, прямоугольники бордюров по сторонам дороги все дальше друг от друга. Словно гоночные болиды, вылетаем на открытую местность. Похоже на центр какого-нибудь города. Мрачный довольно центр. Колдун подбегает к стеле, упирающейся острым краем в черное небо, резко оборачивается, зашвыривает девушку за спину, кричит.

Кровь хлещет из носа, стекают струйки из ушей, уголков губ. Пронзительный крик, то отдающий громом, то переходящий в свист на грани слышимости, рвет мое тело. Фигура мага удлиняется, его тень ползет черной кляксой по асфальту. Я падаю на колени от боли, шашка со звоном ударяется об асфальт, пытаюсь защитить себя, сдавливаю уши ладонями. Снопами осколков разлетаются окна домов, покрывают землю острыми снежинками. Нет, только не так. Не так быстро. Ухватываюсь за мелькнувшие в памяти лица родителей, разноверов, жертв, что по-прежнему ждут своей участи на перекрестке. Подбираю шашку, оперевшись на лезвие, встаю. «Асато ма сад гамая. Тамасо ма джйотир гамая. Мритйор ма амритам гамая», – напеваю слова мантры, что поддерживала меня в самые трудные минуты жизни¹⁰. Наплевать на ожоги и ад происходящий вокруг. «Ты слышишь? – кричу заходящемуся воем магу. – Если Он со мной, кого мне

¹⁰ «Веди нас от неистинного к истине. Веди нас от тьмы к свету. Веди нас от смерти к бессмертию», – санскрит.

страшиться, чего бояться?». С силой вонзаю клинок в искорёженный звуковыми волнами асфальт, накрываю ладонями рукоять. От меня исходит сила. Так бывает, когда полумеры заканчиваются, и за свою жизнь нет страха. Так поступает Сету атум. Тело ломит от мощи, звенит воля, словно она материальна. Воздух вокруг меня, нагретый до запредельных температур, исходит маревом, опутывает жгучими щупальцами пространство. Собираю всю волю, всю жизнь в одну точку. Сжимаю, трамбуя, прессую до предела. Сейчас! Мир вокруг стонет. Я отпустил воображаемую точку, сжатая энергия с чудовищной силой начинает расширяться, сжигая основу этого мира, растворяя атомы. В вязкие лужи превращается асфальт. Черная сажа хлещет из пустых окон. Колдун вжимается в стелу – тоже на пределе. Выставляет перед собой руки, выхаркивает короткие слова в пространство. Я опустошен, опускаюсь на колено, держусь за верную шашку, пытаюсь не упасть.

Мощный рев режет слух. Какая-то невероятная какофония, гул, но сила такая, что и я, и колдун – дети в сравнении с ней. Действовать не могу, мухой вишу на липкой паутине, – воздух меняется, становится материальнее, высасывает оставшиеся крохи энергии. Просто наблюдаю. Торжествующая улыбка на обезображенном лице колдуна. Яркое свечение за его спиной. Удивление в бездушных глазах, сменяется страхом. Струпья обгоревшей кожи – его лицо. Боль. Гул исчезает, воздух прекращает впиваться в тело.

– Я слышу тебя, Ирэт. Не бойся милый, я помогу ему. Сейчас. – Нежный голос звучит из-за спины корчащегося от боли колдуна. – Я пришла. Я здесь. Я повелеваю.

Колдун кричит от боли, его тело растворяется в пространстве, становится прозрачным. Уже вижу, как сжимается его сердце, толкает кровь по организму. Вижу, какими хрупкими становятся сосуды, вижу девушку, стоящую за его прозрачной спиной. Словно одета в паутину из его кровеносной системы. Напор крови рвет потерявшую эластичность ткань, едва различимый колдун захлебывается красным потоком, хлынувшим в тело.

Сверкают изумрудные глаза, она улыбается, смотрит на меня:

– И ты здесь, мой старый друг? – смуглянка окидывает меня ласковым взглядом. – Где Ирэт? Я слышала его голос, не твой.

– Ты... кто? – еле выдавливаю из себя вопрос.

– Я... – девушка осекается, всматривается в мое лицо. – Ты еще не он, ты Сету арум. И как вы умудряетесь подбирать такие похожие тела? – Длинные ухоженные пальцы откидывают прядь, обнажая правильной формы лоб, в голосе слышна легкая тоска. – Значит, еще не время. Еще не время, – вновь обращается ко мне девушка. – Сету арум. Мы уходим, пока не явился он. Пока я вновь не убила своего ребенка.

Мерцают поднесенные к глазам ладони, тело растворяет-

ся, теряет плотность в этом мире, теряет важность для этого мира. Теряет важность и мир, уходя вместе с тем, кто его создал. Лужа крови на асфальте у ног смуглянки – все, что осталось от колдуна. Надеюсь, жертвы уже вернулись в мир людей, пусть будет так. «И что я тут делал»? – шепчу, чувствуя простынь на теле.

Стиснув зубы, приподнимаюсь на локте, взгляд упирается в светлые обои. Живой, дома. Уже хорошо. Дыхание спирает от стегнувшей по нервам боли, делаю усилие над собой, спускаю ступни на теплый ламинат, шатаюсь, бреду в ванную. Для уверенности лучше опереться о стены.

Кафель в ванной ускользает от взгляда – не могу сфокусировать зрение, голова гудит, каждый шаг вызывает гримасу на лице, почти падаю, упираюсь ладонями о раковину. Плечо еще не зажило, на пластинах груди вздулся багровый шрам, рваной линией переходит на рельеф пресса – привет от колдуна. Аналогичный украшает спину. Его, конечно, не вижу, но чувствую очень хорошо. Лицо не тронута, только кожа неестественного цвета, бледная, отливается зеленью. Неплохо, шрамы, если они не затянутся до завтра, можно скрыть, а вот синяки и ссадины на лице от любопытных глаз не утаишь.

Надо поспать, просто поспать. Часов семь, а то и восемь.

О, восемь часов на сон – невиданная роскошь!

Конечно, я проспал больше. Спал до глубокой ночи, давая телу вожделенный отдых, возможность восстановить силы, зализать раны. Вставал лишь раз, уже под вечер – Мамонт напомнил о своих потребностях, стащив меня с кровати.

В зеркалах становится опасно, если так пойдет и дальше, придется обучаться стрельбе. Живучесть, свойственная всем сету адум, повышенный метаболизм – спасают. Наша сила раскрывается в зеркалах, но и в реальном мире мы кое-что можем. Перед тем, как упасть, лишаясь чувств, в сон, дал установку своему организму на ускоренное восстановление ресурсов.

Теперь о похождениях прошедших дней напоминают разве что едва заметные синяки. Жилистое, увитое мышцами тело налилось силой, требует выхода накопленной за день энергии.

Да, это наша беда. Мы забываем слово «отдых», или слово «безделье». Охотник, укоренившийся в нас, разгоняет психику, а с ней и картину мира. Летишь по жизни, словно многотонный локомотив. Чем дольше живешь – тем больше вырастает в тебя охотник, тем сложнее остановится. Говорят, счастливичики, дожившие до глубокой старости, даже на смертном одре продолжают нырять в зеркала, вести людей, приносить в этот мир частичку Бога. Я не старик, но оставить мир на произвол судьбы уже не могу. Как бы громко это не звучало.

Умещаюсь на кровати, готовлюсь к погружению. Тепло. Приятное покалывание волной прокатывается по уставшему телу – значит, кровеносная система в норме, несмотря на литры кофе, что бродят по организму. Смеживаю веки, начинаю снижать темп дыхания. Уши ловят отзвуки жизни ночной квартиры: мозг, взбудораженный звуками во тьме, начинает вырисовывать ужасающие картины. Просыпаются давно забытые детские страхи. Усмехаюсь, направляю внимание на поскрипывание работающего компьютера. Оно умиротворяет, растворяя воображаемых чудовищ. Дыхание замедляется. Ладони разжимаются. Дыхание замедляется. Мускулы лица расслабляются. Медленней. Вижу дверь. Еще медленней. Направляю свое отражение в открывшуюся сцепку междумирья. Еще медленней, еще, еще, еще.... Плеск волн.

Морские волны лениво набегают на берег, уносят за собой серую гальку. На лазоревом небе застыло солнце. Ни облачка. Проваливаясь в гальку, не спеша, подхожу к кромке берега. Что за черт? Метил в свой мир – место, где встречаюсь с Джйортиром. За прошлую ночь накопилось порядочно вопросов. И что?

Тонкая нить берега уходит за горизонт. Оборачиваюсь, упираюсь взглядом в бетонную стену. Очень интересно. Из-за верхнего края стены виднеются макушки пальм. Вообще-то знакомый пейзаж. Решаю проверить свою догадку, сконцентрировав волю, устремляю все свое существо вверх

к лучистому солнечному диску. Подошвы ботинок медленно отделяются от серого месива гальки – плавно взлетаю вверх, вскользь задеваю стену. Теперь вижу вытянувшиеся вдоль берега кафе и ресторанчики. Какой-то амфитеатр. Черда зданий причудливой архитектуры. Так-так, что еще? Извилистые линии дорог – это дальше, много дальше... Местность гористая. Редкие осколки высоток, красные крыши частных домов убегают прочь от моря, упираются в линию горизонта.

Да, так и есть я на центральном пляже, месте, хорошо знакомом по прогулкам с «разноверами». Местность слегка изменена, но это определенно пляж. Почему здесь? Опускаюсь на верхушку одной из пальм. Что тут делать и что исследовать? Может быть, подсознание решило, что мне стоит просто отдохнуть? Вот и... Стоп. Мое внимание привлекает одинокая мужская фигура, возникшая на месте моей недавней телепортации. Голова опущена, ладони сжаты в кулаки, короткий ежик черных волос с пробивающейся сединой, короткая кожаная куртка на мощном торсе, черные джинсы заправлены в ботинки на высокой шнуровке – все, что получается рассмотреть. Человек со злостью поддевает серый камешек носком тяжелого ботинка, бредет, не обращая внимания на мокнущие от наплыва волн ноги.

Хоть какое-то развлечение. Решаю понаблюдать за незнакомцем, не вмешиваюсь в ход событий.

Незнакомец продолжает идти, все дальше отодвигаясь

от берега.

Тяжело дышать. Наблюдая за мужчиной, я отмечаю изменения в своем временном теле. Дыхание спирает, перед глазами пляшут белые звездочки всех мастей. Ох, тяжело, как тяжело. С трудом сфокусировав зрение, вижу, как человек делает последний шаг, останавливается. Замер по пояс в воде, еле слышно посмеивается. Странный смех. Тело дрожит, осанка прямая, словно вместо позвоночника стальной прут. Кончики пальцев субъекта напрягаются. Размахнувшись, мужчина впивается ими в воздух. До моих ушей доносится новый раскат смеха. Нет, уже не смеха – хохота.

Надеюсь, это не очередной мирок, созданный расстройством психики незадачливого самоубийцы? Отмечаю, что пальма, на которой я так уютно расположился, медленно раскачивается. Что еще за дела? Отрываюсь на мгновение от содрогающейся в припадке истерики черной фигуры, перевожу взгляд на свое импровизированное «кресло». Однако, сидеть скоро будет не на чем. Некогда зеленые с прожилками листья на глазах чернеют, осыпаются бурой трухой на плиты пешеходных дорожек. Красиво. Бурые разводы от трухи стремительно распространяются по безупречной белизне плит. Меньше минуты понадобилось на то, чтобы земля под пальмой покрылась ровным слоем трухи. Красиво, даже немного интересно. Не дожидаясь исчезновения пальмы, ее ствол уже поддался экспансии «черного воинства», я перелетел на крышу беседки неподалеку. Посмотрим, что будет

дальше?

– Больше! Мне нужно больше! – мужчина на площадке кричит в темнеющую гладь воды, опускает руки. Скрюченные пальцы сжимаются в кулаки. – Ну?! – по фигуре незнакомца проходит волна, на мгновение искажая его фигуру. Он опускает голову, вновь раздражается неистовым хохотом. За первой волной следует еще одна, и еще, и еще... Вот уже тело его мерцает. Постепенно интенсивность мерцания увеличивается, и без того плохо различимые детали внешности стираются. Фигура мужчины чернеет, вытягивается.

Крыша, как и пальма до того, тонет в бурой трухе. Горло раздирает кашель от кружащихся в воздухе черных хлопьев, еле сдерживаюсь. И куда девалась радостная южная нотка? Море, куда ни кинь взгляд, черное, грозно вздымается. В воздухе повисла тяжесть. Небо, прекрасное лазоревое небо, затягивает свинцовая армада иссиня-черных туч. Каждая незначительная деталь мирка, вплоть до дверных ручек на аккуратных домиках кафе, утопает в хлопьях трухи.

Мужчины уже нет. На его месте стоит существо, вытянувшееся вверх на добрых сто метров, нехотя поводит могучими плечами, огромная ладонь сжимается в кулак. Тело его покрывают потеки крови. Трубный голос швыряет в пространство: «Мне нужно больше!». Вспенивая и без того беснующую толщу воды, сверкает молния. Сухой воздух мирка трещит под мощью грома.

Я, как зачарованный, изучаю фигуру существа. Страха,

как ни странно, нет. Удивительно, но его не боюсь, напротив, хочется встать рядом и принять бой. Почему-то кажется, что именно к этому он готовится. Он защищает. Он – воин.

– *Молодой человек*, – саркастически звучит у меня в голове, – *как не стыдно. Таки да?* – голос цыкает. Не успеваю я удивиться невесть откуда взявшемуся укорителю, да еще с одесским акцентом, как получаю мощный пинок в спину. Больно! Сознание начинает терять связь с ирреальностью, сосредотачиваясь на боли в пояснице. Боль, в свою очередь, напоминает мне о существовании тела, которое лежит сейчас далеко-далеко «там», скрытое от меня толщей вод разума. Истончается нить, связывающая с этим миром. Дыхание учащается, под его напором мое тело нехотя распадается на куски.

– Кто ты?! – решив, что терять уже нечего, а здоровое любопытство мое не удовлетворено ни на йоту, я иду ва-банк. – Посмотри на меня!

Сверкают огнем озера глаз, существо смотрит на меня, улыбается, кривя окровавленный рот: «Я пробудился. Я сделал свой выбор. Я убью её. Я получу власть. И ты, мое создание, будешь рядом». – Грохочет голос. Бурые хлопья сажи, взметнувшись, унесли мое сознание в реальность.

«Надо записать. Надо записать. Надо записать!» – пуль-

сирует фраза в моей голове. Мир ирреальности тает в памяти, лишь фразы существа еще живы. Однако тело оживает медленнее, чем настраивающийся на материальный мир разум. Руки и ноги не слушаются, неуклюже вскакиваю с кровати, спотыкаюсь. Преодолевая боль в конечностях, отзывающихся судорогой на каждое движение, добираюсь до компьютера. Щелчок клавиши, темный экран оживает, озаряя мое лицо голубоватым свечением. Хватаю обрывки фразы за хвост, вбиваю их в текстовый редактор. Последняя буква вписана, облегченно выдыхаю, откидываюсь на жалобно скрипнувшую спинку кресла.

02:14 – мерцают цифры на экране монитора. Удивительно, насколько гибкая единица материи – время. Так всегда, там, в зеркалах, кажется, что прошло как минимум три часа, а то и сутки. Просыпаешься и понимаешь, что отсутствовал всего десять-двадцать минут. Интересно, сколько живет мозг умершего человека? Персональный рай или ад может действительно существовать вечность в угасающем рассудке. Переместившись на кровать, подгребаю плотный ком подушки под затылок, закладываю руки за голову. Мысль, конечно, интересная, но оставим ее до лучших времен. А пока... Мир, куда я попал, точно не был продуктом чьего-то сошедшего с рельс сознания. «Другими словами ты, отец, – обращаюсь я сам к себе, – не копошился в чьей-то голове».

Этот вывод успокаивает, дает шанс найти реальную причину происходящего. Вернуться обратно. Я не знаю всех

принципов жизни зеркал, но бывает так, что, окунувшись в одно из отражений и проведя там достаточное время... часов пять, а то и целые сутки, по внутреннему времени зеркал, конечно, в конце путешествия понимаешь, что потратил бездну времени и сил на исследование чьего-то сна и не более того. Естественно, вернуться в это отражение уже не представляется возможным. Носитель отражения имеет обыкновение просыпаться, разрушая тем самым созданный собой мир.

В моем же случае, возвращение было вполне реальным. А значит, и гложущее меня любопытство будет удовлетворено. Достаточно только вспомнить местность и прописать там своего двойника. «Занятно, – бормочу, умащиваясь поудобнее на кровати. – Кто это такой смелый, что пинки отвешивает направо и налево?». Голос знакомый...

Принимаюсь вспоминать местность недавнего мира. Вначале широкими мазками обозначаю карту зеркала, затем прорисовываю детали: объекты, цвета, формы, запахи. Критически осмотрев макет, создаю напоследок копию своего тела. Теперь, медленно и осторожно, переносим сознание, с каждым выдохом наполняя двойника жизнью.

– Черт! – от пинка кучка гальки серой стаей взмывает вверх, застывает в воздухе. Я досадливо морщусь. Новое тело действует как родное, но вот мир как был макетом, так им и остался. Переместиться обратно не получилось.

Я широкими шагами расхаживаю вдоль берега. Своего во-

ображаемого берега, в своем воображаемом мире, в своем воображении. Надежда умирает последней. Надеюсь на чудо, взлетаю над берегом, заняв удобную для наблюдения позицию. Да, но и она умирает.

Более или менее реальным были лишь те объекты, что запомнились мне в прошлом мире. Все, что выходило за рамки памяти, исчезает в сером тумане, или просто лишается деталей. Как, например, этот пластмассовый стул, крепко стоящий на одной с половиной ножке. Над головой, важно взмахивая полами плащей, проплывает стая бетменов. Замыкающие летят с широкой красной растяжкой. «Лечение – свет». Ильич». – Присмотревшись, разбираю белые буквы. «Так! Ну, это... Это уже ни в какие ворота! Ишь, разлетались! Пшли вон!» – шикаю на рассерженно каркающих бетменов. Стая, заметив мою решительность, бросается врассыпную. Наименее расторопного все-таки удается сцапать за ногу, раскручиваю несчастного над головой, принимаюсь гоняться за пролетариями умственного труда. Дебош длится недолго. Скоординировавшись, участники демонстрации совершают ответный маневр. В бок больно клюет чей-то острый резиновый нос.

Стоп!

«Черт! – галька со свистом уносится за горизонт. Хмуρο подмечаю, что новое тело действует, как родное, но вот мир... Судя по всему, переместиться не получилось. На глаза попадаетея пластиковый стул, твердо стоящий на одной

с половиной ножке. Такое бывало и раньше, картина конечно неприятная, но далеко не смертельная. Главное не... – О! – задрав голову вверх, я с удивлением отслеживаю величавый полет стаи бетменов. Эти-то тут как очутились? – Эй, рети-вые! – мечется эхо моего голоса. – А ну, пшли вон!»

Стоп!

«Гадство!» – серые гольши гальки со скрежетом взвиваются вверх. Пластмассовый стул, твердо стоящий на одной с половиной ножке; туманные очертания предметов вдали... Похоже я в своем воображении. Обидно, конечно, но не смертельно. Такое бывало и раньше, главное «не зависнуть» в макете. Помнится, один мой незадачливый товарищ провисел так добрых 2 года. Впрочем...

Высоко над головой, расчеркивая голубое небо белой нитью инверсионного следа, проносится стая бетменов. Эти-то откуда здесь взялись?!

Стоп!

Не повезло. – Запускаю гладкий, лишенный веса камешек в сторону кафешки. Камень лениво пролетает несколько метров, застывает в воздухе. «Что ж, отец, – по привычке обращаюсь к самому себе, – не повезло».

– *Браво-браво. Нет слов, – басом говорит откуда-то сверху, – просто нет слов. Позвольте полюбопытствовать, молодой человек, на какой промежуток времени у Вас абонемент? Месяц, год, два?*

Я лениво оборачиваюсь, – кто еще может быть в моем ма-

кете, кроме меня? Утыкаюсь взглядом в размытые очертания высокой, поджарой мужской фигуры. Джйортир.

– *Желаете продлить удовольствие?* – скрестив руки на груди, насмешливо продолжает великан. – *Кстати, поражен твоей логичностью. Стая бетменов? Бесподобно. Пролетарские лозунги? Великолепно!*

– Ты о чем? И вообще, что ты здесь делаешь?

– *Я о них, мой юный друг,* – Джйортир указывает бесплотным пальцем куда-то вверх, – *весьма комичная картина.*

Ясное голубое небо пересекает клин бетменов. До ушей доносится важное карканье. Тревожное чувство дежавю мгновенно посещает рассудок. Задумчиво провожаю взглядом исправно машущих полами плащей супергероев, обращаюсь к Джйортиру:

– И давно я тут вишу?

– *Эти,* – существо кивает в сторону стаи, – *уже четвертый раз летят. Меня забавляет твое подсознание. Почему именно эти существа? Тебя привлекает темная романтика? Или это отголоски трудного детства?*

– Прекрати издевательства, подсознание на то и подсознание... Мой контроль на него не распространяется. Лучше скажи, как ты очутился в моем макете и что тебе надо?

– *Да-да, твой контроль не распространяется. Я тебе скажу, что он вообще в последнее время мало на что распространяется. Ну, скажи мне на милость, зачем ты совершил трансформацию в зеркале? Взрослые дяди не говори-*

ли о количестве проблем, возникающих от подобных решений? И не буравь меня взглядом, – качает головой Джйортир.

– Каких проблем? – прекращаю гипнотизировать клубящуюся туманом фигуру, понимаю, что в моем случае это бесполезно.

– Вчера ты сказал ему, что ты пришел, что ты уже проснулся. И этот факт не остался без внимания для ка. Теперь он предупрежден, а значит, времени у нас стало еще меньше. – Джйортир делает паузу, продолжает. – Однако ценю твою предусмотрительность. Ты намеренно каждый раз так удивляешься моему появлению? Прекрати. Эти отрывки твоей памяти увидит только один человек, и ему можно верить как самому себе. Или самому мне? Как правильно, сету атум?

– Спасибо за напоминание, но я привык перестраховываться. – Вспоминаю недавнее видение. – Что я видел в прошлом отражении? Кто это был?

– Ты еще не понял, но прошлой ночью случилось то, что пока случаться не должно было. Мы встретились, все те, кто пришел в этот цикл. Наш создатель тоже был там. Да, такие встречи даром не проходят. События будут идти по ускоренному варианту. Её сила прокатилась волной по зеркалам, теперь ка будет расставлять ловушки с особой тщательностью. И, будь уверен, в умении морочить разум, превращать истину в ложь и наоборот – ему нет равных. Ирэт понял это еще до того, как из нейчери вышли пер-

вые люди. Жаль только, что не сделал нужные выводы.

– Это, – я обвожу рукой застывшие в воздухе стулья, камни, обрывки бетонных стен, – тоже ловушка?

– Да. И думается мне, что пришло время для встречи. Таиться нам уже ни к чему. Либо ты найдешь его первым, либо ка. Предпочтительней первый вариант. Пойдем, мой юный друг, – Джйортир протягивает мне клубящуюся парами тумана руку, – я знаю, где сегодня будет охотник. Она приведет его именно в то место, туда, где его решение разлучило их.

– Постой. Опять оставляешь меня без ответов. Зачем ты послал меня в мир Серафима? А кладбище? Это к чему?

– Ты помог охотникам, спас людей, – не оборачиваясь, басит Джйортир, – этого мало?

– Нет, но...

– Ты спас носитель от смерти. Это все, что нужно знать. Пока.

Следую за моим провожатым, оставляя незавершенный макет за спиной. Странное чувство раздвоенности будоражит рассудок. Оно уже посещало меня, тогда, два года назад, перед тем, как Джйортир открыл себя, но сейчас... Что-то не так. Не так с моим телом, почему на ногах ботинки на высокой шнуровке? Я не помню, чтобы такие были в моем гардеробе. Почему мышцы налились, увеличились в объеме? Я смотрю на мир иными глазами. Я вижу протянутую зеленую ладонь, уродливая морда ящера изображает улыбку зубастой

пастью. Почему вокруг тростник?

Часть 3. Миллион лет и немного лжи

Змей поворачивается ко мне чешуйчатой спиной, разводит руки, насколько позволяют суставы, со всей силы сдвигает ладони навстречу друг другу. Следом за звонким объемным хлопком появляется маленькое отверстие портала, суматошно пульсирует между ладоней Стаса. Дождавшись нужного размера, Стас, теперь я могу называть «это» человеческим именем, заносит ногу в портал, утопает в нем по колению, поворачивается крокодильей мордой ко мне, призывно машет рукой. Взглянув с сожалением на так и не изученный артефакт, шагаю в сторону мерцающей воронки. Стас уже прыгнул.

Подташнивает, все-таки мгновенный переход стоит энергии. Гнетущая пустота, раскрашенная во все оттенки черного, осталась позади. Я оглушен приветствием нового мира. После гробового молчания пустыни, сонмы птиц, издающие трели на всевозможных птичьих языках, заставили прикрыть ладонями уши.

Вот так, с закрытыми ушами, стою на широкой горной тропке, оглядываю окрестности. Тропка, а точнее дорога, прижимается левым боком к скалистой стене, змеится вдоль нее, поросшего серым с искрой мхом, подножия. То тут, то там, каким-то чудом цепляясь за отвесную поверхность, тянут к небу многочисленные руки-ветки неизвестные мне кусты. Красивые. На голых тонких веточках пламенеют маковым цветом большие цветки. Тянусь к кусту, цепляюсь

за влажную ветку, опускаю ее до уровня лица, с наслаждением вдыхаю тонкий, чуть сладковатый аромат. За этим инстинктивным порывом не заметил, как отнял руки от ушей, чем не преминул воспользоваться Стас:

– Нектар, – растягивая «а», с благостным выражением лица произносит мой недавний соперник, – как тебе моя скромная обитель? Подойди к краю тропки – открывается прекрасный вид на реку.

Все-таки человек – окончательно успокаиваюсь, глядя на претерпевшего серьезные метаморфозы Стаса. Большая часть увиденного мной глазами охотника уже превратилась в обрывочные воспоминания, словно сон, испарилась после пробуждения. Слишком большой объем информации за несколько минут включил я в свой разум. Впрочем, как и любой стоящий сон, этот оставил послевкусие, основу. Я могу ему доверять – этого вполне достаточно.

Охотник стоит в двух метрах от меня. Развернулся в сторону бурлящей далеко внизу реки, направляет смуглое лицо навстречу ласковым солнечным лучам, жмурится от удовольствия. Порывистый – первая ассоциация, пришедшая на ум, стоило только взглянуть на настоящий облик Стаса. Черты лица резкие, словно высечены из камня искусным майя. Именно искусным, умудрившимся строгость камня сгладить умелым движением инструмента. Четкий профиль, тонкая нить губ, удлиненный, чуть с горбинкой, нос, густые брови, предвещающие широкий выпуклый лоб, нави-

сают над темно-зелеными глазами. Смуглая кожа контрастирует с выжженными зноем русыми волосами, прямые пряди которых ниспадают на худощавые острые плечи. Тело, как и в предыдущем мире, осталось жилистым, поджарым, теперь, к счастью, лишенным чешуи. В юности такие люди частенько бьют, едва почуяв готовящуюся к причинению обиду. Звонче всех смеются, громче всех кричат. С годами разум берет верх, и эмоции стяжаются, но общий характер натуры не переделать даже такому опытному скульптору как время.

Так необычно изучать его со стороны, когда опыт его жизни все еще во мне. Сложно провести черту. Мышечная память упорно тянет руку к плечу, туда, где, по ее мнению, моя ладонь должна нащупать синяк, оставшийся от укуса эдиму. Это помню. На миг закрываю глаза, прогоняю наваждение.

Отпускаю ветку, рассекая воздух, она присоединяется к своему цветущему семейству. Рассерженно шелестит пришедший в движение куст. Отвернувшись от меня, Стас смотрит вниз:

– Подойди, не пожалеешь, – слышу голос из-за спины. – У меня редко бывают гости, тем более способные понять меня, как творца. Так что извини, но я буду хвастаться и требовать восторгов.

Последняя реплика сказана абсолютно серьезным голосом, наверняка с не менее серьезным лицом, но я умею раз-

личать интонации. Повинуясь просьбе, шагаю по каменистой, в белой пыли, дорожке, осторожно подхожу к краю. Боязнь высоты – один из немногих страхов, которые я так и не сумел побороть. Вид действительно обескураживает. Внизу бурлит, вздыбливаясь белыми бурунами, аквамариновая река. Рычит, бросаясь на крупные серые валуны, торчащие вдоль русла, дремлет в небольших песчаных лагунах, как и тропка прижимающихся к массивным скалам. По обе стороны реки вздымаются скалы. Где сверкающие на солнце усталым камнем, где поросшие разнообразными травами, кустами, узловатыми деревьями с невидимыми, но громко-голосыми пичугами.

– Красиво. Сам творил, или взял за основу реальность?

– Это слепок с одного местечка в Сочи, но и слепку кто-то дает жизнь. Это тоже труд.

– Не обижайся. Как у тебя с гравитацией здесь?

Стас прекращает всматриваться в бурлящие воды, достает из кармана свободных армейских штанов цвета хаки пачку сигарет:

– Синхронизирована с моей волей, – выуживает из белой пачки сигарету, мнет желтый обрубок фильтра, – думаешь полетать?

– Не знаю. Что будем делать?

– Есть одно место, тут недалеко, тебе понравится, – Стас после непродолжительных раздумий втискивает сигарету обратно в пачку. – Предлагаю пройти пешком.

– Хочешь в полной мере насладиться моими восторгами?

– Хочу, чтобы ты почувствовал себя человеком. Даже здесь. – Стоило только последнему слову вылететь в мир, как лицо Стаса озарила улыбка. – Шучу. Мне нравится, когда моему творению радуются. А радоваться можно только не спеша. Вот так, прогуливаясь вдоль скал, ощущая ветер. Кстати, ты заметил, что по скалам текут родники?

– Нет, не успел, – слово «человеком» Стас выделил особенно. Не подаю виду, но интонации охотника вдруг вызвали раздражение. Неожиданно всплыла картинка из его опыта – бредущий вдоль берега мужчина, рыжая труха, ярость и алчность.

– Вот именно поэтому пройдемся. Расслабься, наслаждайся прогулкой и, по возможности, беседой.

Тропа достаточно широка, чтобы мы могли идти рядом, не выстраиваясь в короткую цепь. Однако я предпочел держаться поближе к влажным от многочисленных ручейков скалам. Стас молчит, дает возможность настроиться на этот мир, рассмотреть его во всех подробностях, переварить дорогу. Изредка поглядываю на долговязую фигуру охотника. Шагает легко, значит, привык бродить по таким вот тропам. Кажется удивительным, что совсем недавно мы были готовы убить друг друга.

– Интересно, – прерывает затянувшееся молчание охотник, – чем руководствовалось сознание того спящего, превращая тебя в собаку, а меня в ящерицу?

– Скорее подсознание. Не знаю, – пожимаю плечами, – и ты и я – инородные тела в психике того человека. Может, таким образом, его подсознание решило нас уничтожить, стравив между собой.

Стас хмыкает, повторно достает сигарету, на этот раз закуривает. Не сбавляет темпа, затягивается:

– Хорошо, если так, – выдыхает струйку белого дыма, – но есть другое мнение на этот счет.

– Какое?

– Ты знаешь, один нью-йоркский журналист решил пронаблюдать за жизнью индейцев, – Стас на секунду замешкался, делая новую затяжку, – не помню какого племени, да это и не важно. Суть в том, что в последний день своей командировки он брал интервью у вождя племени. Говорили много о чем: о современном мире, компьютерах, смысле жизни, вере. Уже в конце беседы журналист спросил у вождя, как он относится к белым? Все-таки они когда-то захватили индейские земли, многих убили, оставшиеся теперь живут в резервациях. Он ожидал скрытого гнева, но вождь вздохнул и ответил, что жалеет нас. Спросишь почему?

– Почему?

– Потому что мы, с его точки зрения, больны. Вы, белые, говорил он, больны каким-то вирусом. Всю жизнь бегаєте, убиваете, захватываете, а под конец умираете, так и не поняв, что вы делали в этом мире. «Вы, как бешеные собаки, несетесь по жизни, брызжа слюной. Только у вас еще есть

телефоны и интернет. Мне вас жаль», – вот такое вот резюме от отсталого грязного индейского вождя. Понимаешь?

– Честно говоря, не очень, – я на ходу задираю голову вверх, разглядывая ловящего потоки воздуха орла. На Севере таких не увидишь. – Мне кажется, Джйортир намекал на другую причину, более персонифицированную, нет?

– Я думаю, что мы изначально агрессивны, – Стас игнорирует мой вопрос, бодро шагает, поднимая пыль тяжелыми ботинками. – Все, что хоть чуточку не похоже на нас, подлежит либо одомашниванию, либо уничтожению. Зеркала лишь потакают нам в этом маленьком капризе.

– Многих охотников ты встречал в зеркалах?

– Понимаю, к чему ты клонишь. Тут налево, – тропа уперлась в лежащее поперек лагуны дерево. В указанном себе-седником направлении высеченные в скале ступени ведут к навесному мосту, тот едва слышно поскрипывает пеньковыми канатами в такт порывам ветра. – За последний месяц человек пять – не больше. И, да, отвечая на недосказанный вопрос, все они встречались мне в виде монстров, или инопланетян, или роботов, и каждый раз внушали страх и желание поскорее отправить их в реальный мир.

– А товарищи офицеры?

– Это скорее исключение из правил, отец Серафим достаточно силен, чтобы отсекать чужую волю, наводящую морок, – охотник делает глубокую затяжку. – Я не игнорирую твои вопросы, как ты недавно подумал, сейчас дойдем до ме-

ста и там поговорим.

На несколько минут приходится замолчать – сосредоточенно взбираемся по крутым ступенькам, преодолев которые мы вступаем на скользкие дощечки моста. Пропускаю Стаса вперед, у самого неприятно холодеет желудок каждый раз, когда мост дает крен то в одну, то в другую сторону. Цепляюсь что есть сил за пеньковые «перила», стараюсь обходить ненадежные на первый взгляд дощечки.

– Ты боишься высоты? – охотник оборачивается, бросает лукавый взгляд через плечо. – Забавно. Это же мой мир, даже если ты упадешь и разобьешься о камни, максимум, что тебя ждет, – учащенное дыхание и вытаращенные глаза при пробуждении.

– Не хочется лишать себя интересной беседы, – бурчу, глядя в костлявую спину бодро шагающего Стаса. Не люблю обнажать свои слабые стороны. – А что за надпись у тебя между лопаток? Кажется, санскрит?

– Да, это мантра. Кстати, как тебя зовут? Может, расскажешь о себе немного? Заодно отвлечешься от... – Стас не продолжает мысль, видимо, чувствуя мой красноречивый взгляд на спине.

– Ярослав. Истинное имя пока называть не буду – не обижайся.

– Не доверяешь?

– Не чувствую, что момент настал.

– Хорошо, – Стас, наконец, соступает со скользких доще-

чек на каменистую, поросшую редкой травой, почву. Попадает в лужу, но, не обращая внимания на брызги, идет дальше. – Несмотря на твои выводы относительно моего характера, я умею ждать.

Я удивленно приподнял бровь:

– Ты идешь по пути мысли?

– Нет, я иду по пути ритма. Все движется, все подчинено ритму. Твое лицо, каким бы непроницаемым ты его ни делал, тоже. Каков твой путь?

– Я иду по пути слова. Вначале было слово.

– Расположимся и продолжим разговор, – Стас стоит напротив уходящего вверх скальника. Слежу за взглядом охотника – узкая тропка вползает на скалу. – Последний рывок, следуй за мной и цепляйся за кусты.

Подъем дался мне тяжело, стоим на открытом пятачке в окружении лиственных и хвойных деревьев. Стас деловито снует по поляне, собирает сушняк – маленькие веточки, сухую кору, я даю себе минуту на отдых, сердце тяжелым стуком отдает в голову. Осматриваюсь, перевожу дыхание ¹¹.

Полянка неровная, бугрится вросшими в землю камнями, дуплами черных от времени пней, передним своим краем уходит вверх, дальше – в редкий южный лес. Внизу рокочет водный поток, успокаивает, суетные мирские мысли сами собой покидают рассудок. Охотник, в очередной раз ссылая охапку веток в центр поляны, искоса глянул на замерше-

¹¹ Мои примечания. Примечание восьмое.

го меня, ухмыльнулся:

– Костер сам собой не разожжется, дрова сами собой не наносятся. Сходи, набери дровишек.

– Не понимаю тебя. Ты здесь хозяин. Этот мир – растянутая на километры мысль, твоя мысль. Зачем брести вдоль скал, если можно лететь, мгновенно переместиться в пространстве? Зачем носить дрова, если можно приказать костру гореть?

– Я люблю этот осколок, и потому не отказываю ему в праве жить сообразно своему укладу. Как бы тебе... – Стас морщится, подбирая слова. – Ты считаешь себя человеком?

– Нет.

– А кто ты?

– Я – охотник.

– Сильнее, мудрее – да?

– Да.

– Вот именно потому я хожу пешком и собираю дрова. Земная жизнь коротка, к тому же, сам знаешь, у нас нет права на серьезную ошибку. А гордыня затмевает глаза в самый неподходящий момент. Уловил?

– Спорно, но рациональное зерно здесь есть.

– Отлично, дрова ждут.

Мне приглянулась возвышенность на краю полянки, решаю посмотреть, что за ней, заодно насобирать расходный материал.

«Мы оказались на островке», – делаю вывод, дойдя до по-

росшего колючим кустарником края поляны. Тут тоже бурлит река, на противоположном берегу высятся острые скалы. Голова кружится от обилия ароматов и звуков. Отрываюсь от гипнотизирующего тока вод, концентрируюсь на дровах. Рыщу взглядом по земле, выискивая сухую на вид ветку – тут же цепляю ее. Набрал полную охапку, старательно обхожу колючки, раздвигая упрямые ветви дровами, продираюсь вниз к кострищу.

Стас колдует над будущим костром, складывает небольшой шалашик из сушняка, наклоняется над ним, аккуратно подкладывает новые веточки. Скидываю свою ношу в общую кучу, сету а тум отвлекается на звук:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.